

**Александр
АФАНАСЬЕВ**

**НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ**

**ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ**

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2014

УДК 82.-343.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-я5
А94

Серия основана
в 2007 году

Афанасьев А. Н.

А94 Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 1087 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

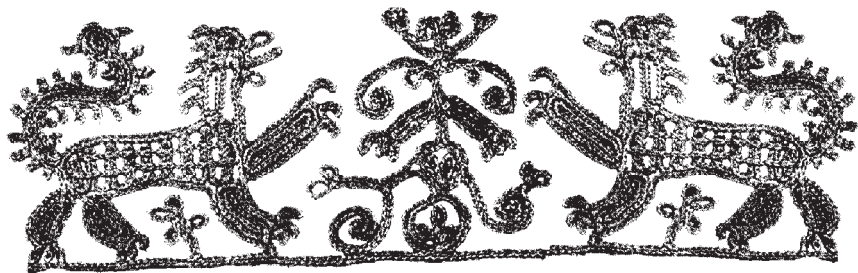
ISBN 978-5-9922-0149-9

В издание вошли все сказки из сборника «Народные русские сказки», собранные Александром Николаевичем Афанасьевым (1826—1871), знаменитым фольклористом, этнографом, собирателем восточнославянских преданий, легенд, сказаний. А в приложении представлены сказки из его сборника «Русские заветные сказки», а также из рукописи «Народные русские сказки не для печати».

УДК 82.-343.4
ББК 84(2Рос=Рус)1-я5

ISBN 978-5-9922-0149-9

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

1—7. ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

1

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая. «Вот будет подарок жене», — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла.

«Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привез я тебе на шубу». — «Где?» — «Там, на возу, — и рыба и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманек!» — «Дай мне рыбки!» — «Налови сам, да и ешь». — «Я не умею». — «Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! Бейте его! Бейте его!» Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал-прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!» — «Эх, куманек, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь». — «И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя доведу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет». — «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманек, говорю: битый битого везет». — «Так, кумушка, так!»

«Давай, куманек, построим себе хатки». — «Давай, кумушка!» — «Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную». Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке — лубяную, а волку — ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка! — говорит волк. — Ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть». — «Пойдем, куманек, еще покопаемся, кому-то кого достанется есть». Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму — тебе меня есть, а не перепрыгнешь — мне тебя есть». Волк прыгнул и попал в яму. «Ну, — говорит лисичка, — сиди же тут!» — и сама ушла.

Идет она, несет скалочку в лапках и просится к мужичку в избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает: «Где же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к другому мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ошипала ее, съела и говорит: «Где же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к третьему мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку». Ее пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невесточку!» Мужик — делать нечего — отдал ей за индюшечку невесточку; лисичка посадила ее в мешок, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,
За индюшечку — невесточку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к четвертому мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идет и говорит: «Невесточка, пой песни!», а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: «Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жен, ты завсегда грешон». Петух слез; она хватъ его и скушала.

2

Ехал лесом мужичок со снетками. Лисица накрала снеточков у мужика, склала в кувшинчик, да и села под стог пообедать. Бежит голодный волк. «Кума, кума, что ты ешь?» — говорит он, увидав лису. «Снеточки», — отвечает она. «Дай-ка мне!» — «Сам налови». — «Да я не умею», — говорит волк. «А вот кувшин, надень на хвост, да и пусти в прорубь». Послушался волк, а лисица говорит про себя: «Ясни, ясни на небе звезды! Мерзни, волчий хвост!»

Сама побежала в деревню, попала в одной избе в квашню головой и подняла тревогу. Бежит лисица из деревни прямо на волка, а за лисцей народ. Волк от страха ну рваться, а хвост-от примерз; насилу полхвоста оторвал. Нагоняет волк лисицу в лесу, а та прикинулась хворой. «Ах, кум! — говорит. — Всю головушку избили, мочи нет идти». — «Так садись, кума, на меня», — говорит волк. Вот и едет лисица на волке, сама попевает: «Битый небитого везет!» — «Что ты, кума, говоришь?» —

спрашивает волк. «Брежу, куманек!» — отвечает лисица, а сама, воровка, допевает: «У битого гузка болит!»

Вот те сказка, а мне кринка масла.

3

Вот в одной деревне на задворье стояли зимой стога сена, и на один из них взобралась лисица; она промыслила где-то рыбки и кушала себе. Тут же случилось проходить ночью волку. Он увидел лису и сказал ей: «Здорово, кумушка!» — «Здравствуй, куманек», — отвечала она. «Что ты ешь?» — «Рыбку». — «Да где ты взяла?» — «Наловила в пруде». — «Каким бы то способом?» — «Коли хочешь, научу». — «Спасибо скажу». — «Ну, пойдем».

И повела кума к проруби: «Вот садись и хвост опусти в воду, а рыбка и всплзет на него греться». Кум сел и хвост опустил в прорубь, а кума ворчит: «Ясни, ясни на небе! Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — «Да что ты, кума, говоришь?» — «И, батько, скликаю рыбку-то тебе». — «Ну, спасибо!»

Когда лиса увидела, что прорубь замерзла, она сказала: «Побегу в деревню за медом». Побежала, и след ее простыл. А обманутого волка с примерзлым хвостом увидали на пруде мужики и убили его. Я там был, мед пил, по усам текло, да в рот не кануло.

4

Был себе дед и баба. У деда был петушок, а у бабы курочка. В один день пошли они на смитьячко¹ поискать себе пищи; петушок нашел пшеничный колосок, а курочка нашла маковку. С этого колоска дед вымолотил зерно, смолол муку; а баба, вычистивши маковку, растерла мак, смешала с медом и с дедовой муки сделала пирожок с тертым маком и, за неимением, по бедности, печки и огня, положила тот пирожок на окне своей избушки, чтобы на солнышке испекся.

В то время проходила лисичка с волчином. Лисичка и говорит: «А что, волчику-братуку, украдем этот пирожок и разделим его между собою по-братски». — «Хорошо, лисичка-сестричка, украдем». Лисичка украла. Отошедши в сторонку, она заметила, что будто бы пирожок еще не допекся и что для этого надобно ему еще пожариться на солнышке. «А мы между тем уснем, а проснувшись, смачненько² позавтракаем». Так улещала лисичка волчика-братика, который вскоре и уснул. Она в то время к пирожку, разломив, сладкую начинку съела, а туда накла-ла... с позволения сказать — сами догадаетесь чего... и, залепив, поло-

¹ С м е т ь е — сор.

² Вкусно.

жила. Волчик проснулся, и лиса за ним. Принялись делиться пирожком, и первая лиса заметила, что не та уже в пирожке начинка, и напустилась на волка. Волк божится, клянется, землю ест¹, — куда? лиса не верит. Наконец предлагает испытание: лечь обоим против солнца, и у кого от жару выступит на теле воск, тот и съел мед. Согласились.

Волчик беспечно уснул, а лиса побежала в ближнюю пасеку², украла сот, съела, а вощинами всего волка облепила. Проснувшись и быв избалован, волк повинился, что он и сам не помнит, как это случилось, но после такого ясного доказательства винится и очень охотно подчиняется приговору лисички-сестрички, чтобы при первой добыче не иметь ему в ней доли, а всю уступить лисе. Вот и разошлись в разные стороны для промыслу.

Лисичка, завидев, что идет фура чумаков, легла на дороге, разметалась будто неживая и начала подфунивать³ изо всей мочи. Чумаки ее завидели и сочли сначала живую, но, подойдя ближе, когда услышали, что за несколько шагов она так сильно смердит, закричали: «Вона здохла, бачь⁴, як вони!» — и, взяв ее, положили на воз с рыбою.

Первое дело ее было — прогрызть у воза лубки, и потом начала выкидывать рыбу. Накидавши, сколько ей надобно было, она благополучно дала тягу с воза, подобрала всю рыбу в кучу и начала преисправляно ее кушать.

Волк, побродивши везде, без успеха возвращался на сборное место и увидел лису за таким роскошным пиром. «Лисичка-сестричка! Дай мне хоть маленькую рыбку...» — «О волчику-братику, налови себе, как и я наловила, да и ешь сколько душе угодно!» — «Лисичка-сестричка! Дай мне хоть головку». — «О волчику-братику, ни косточки. Я утомилась, пока ее наловила, и очень голодна». — «Где, как и чем ты ее наловила?» — «Самая безделица! Вон недалеко река; иди туда, вложи хвост в прорубь, сиди и приговаривай: ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика! Потом выдерни хвост, то увидишь, сколько вытянешь рыбы».

Как уже лиса кончила свой обед, то и взялася довести его до проруби. Волк вложил свой хвост и начал приговаривать⁵: «Ловися, рыбка, и мала и велика!», а лиса, бегая около него, приговаривала: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — «Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?» — «То я тебе помогаю! — А сама поминутно твердит: — Мерзни, мерзни, волчий хвост!» Волк скажет: «Ловися, рыбка, и мала и велика!», а лиса: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» Волк опять: «Ловися, рыбка, и мала и велика!», а лиса: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — «Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?» — «То я тебе помогаю!»

¹ Это любопытное указание на старинный обряд клятвы. Вадим Пассек свидетельствует, что на Украине были примеры, когда клятва скреплялась целованием земли, и такая клятва почиталась важной и священной (Путевые записки, с. 152).

² П а с е к а — пчельник.

³ Вонять.

⁴ Смотри.

⁵ Приговоры волка сказочники передают т о л с т ы м (грубым) голосом, басом; а приговоры лисы тоненьким, мягким.

Волк уже хочет вытянуть свой хвост из проруби, но лиса запрещает: «Погоди, еще мало наловилось!» И опять начинают они приговаривать. Волк только что попробует вытащить хвост, а лиса ему: «Погоди, еще рано!» — и как тогда был мороз такой, что аж скалки¹ скачут, то лиса, разочтя время, закричала на волка: «Тяни!» Он потянул, но не тут-то было! Хвост его замерз в реке, и волк не мог освободить его, и сам остался на месте.

Тогда лиса благим матом побежала в село и начала кричать: «Сюда, люди! Спешите бить волка, примерз к ополонке!»² Все бросились на волка: мужчины с дубинами, с топорами, бабы с гребнями, с днищами³, все на волка; били его, били, колотили до того, что волк не пожалел и хвоста, оторвал его и куций⁴ побежал куда глаза глядят. Как же все люди бросились к нему на лед, то один мужик покинул даже и сани свои с лошадью. Волк, набежав на них, вскочил в сани, начал погонять лошадь и таким образом выбрался из села.

А лиса среди общей суматохи, когда все бросились бить волка, вскочила в пустую избу, увидела квашню с тестом, вскочила в нее, вбляпалась в тесто, побежала на дорогу и легла. Недалеко за селом увидел волк на дороге лисичку-сестричку избитую, израненную и едва живую. С большим участием бросился он к ней, и она начала жаловаться, что и ее так больно прибили, что мозг изо всех костей выступал. «Крепись, лисичка-сестричка! Вот и я хвоста лишился, да как же быть! Иди за мною, я еще покрепче тебя, буду тебя защищать».

Лисичка начала проситься в сани, но волк ей отказал и доказал, что и одному тесно. Нечего делать! Пошла лиса тихо за едущим волком. Пройдя немного, начала спрашивать, чтобы хотя одну лапку, самую разбитую, положить на сани, не более как лапку. Волк долго отнекивался, наконец согласился. Положивши лапку, лиса после долгих переговоров упросила и о другой, третьей, четвертой, потом умолила волка иметь сострадание и к ее хвосту, который так жалко волочился, и умолилась совсем в санках. Волк услышал, что санки трещат, и начал ее упрекать. «Это, волчику-братуку, я орешки кусаю!» Поехали дальше; слышит волк, что санки опять трещат, и снова упрекает лису. «Это, волчику-братуку, я орешки кусаю!» Наконец санки совсем рассыпались.

Волк пошел рубить дрова на сани, а лиса осталась пасти лошадь. От скуки она выела у лошади всю внутренность, напихала туда живых воробьев и дырку под хвостом заткнула соломой. У волка сани поспели, и он запряг лошадь. «Ну, ну; ну, ну!» — лошадь ни с места. Волк увидел, что из-под хвоста у лошади торчит солома, и сказал: «Вот как обожралась, что и солома назад лезет!» Вытянул ее... воробьи выпорхнули, и кожа лошадиная упала. Лиса, притворяясь все еще больною от побоев, после продолжительного спора убедила волка, чтобы он вез ее в санках. Волк

¹ Осколки.

² Прорубь на льду.

³ Д н и щ е — донце, дощечка, в которую втыкается прядильный гребень.

⁴ Бесхвостый.

повез и стал приговаривать: «Битый битую везет! Битый битую везет!» А лисичка шепчет: «Битый небитую везет!» — «Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?» — «То я, волчику-братику, говорю: битый битую везет!..»

5

Была сабе ліска і вельмі галодная. Бяжыць яна дак бяжыць, аж едуць рыбаловы; яна прытаілася, лягла на землю і ляжыць. Тыя рыбаловы наглядзелі на ліску, і адзін, каторы ехаў ззаду, узяў тую ліску ды і ўкінуў ў воз. Ліска, седзячі ў возе, прагрызла дзіру і, выкідаўшы ўсю рыбу праз тую дзіру, сама выскачыла, пападбірала рыбу, ды і есць. Есць яна дак есць, аж прыходзіць воўк. «Што ты, кумко-галубко, ясі?» — «Рыбу, куме!» — «Дай же ж ты мне». — «Ото! Каб³ я табе давала! Пайдзі ды і налаві». — «А гдзе ж я буду лавіць, калі не ведаю гдзе?» — «Вот ідзі за мною, то я табе пакажу». А тымчасам дала воўку адну рыбку, каб ён расмакаваўся⁴, і павяла яго.

Прыходзяць яны да аднаго возыра⁵ замёрзлага. Ліска прабіла праломку⁶ ды і каже да воўка: «Усадзі свой хвост ў гэтую праломку, то наберецца многа рыбы». Воўк, паслухаўшы хітрай ліскі, ўсадзіў хвост ў праломку і сядзіць. Лісіца, зрабіўшы тое, што хацела, зачала бегач па возыры, крычаць: «Мерзні, мерзні, кумаў хвост!» — «Што гаворыш, кумко?» — каже воўк. «Я кажу, каб бралася рыбка маленькая і вялікая». Сядзеў воўк, сядзеў ў праломцы, аж покі не прымёрз хвост.

Ліска, ўбачыўшы, што кумаў хвост прымёрз, пабегла ў сяло даць знаць, каб воўка ішлі біць. Людзі, пачуўшы⁷, што крычаць на воўка, пабеглі зараз з кіямі, з булавамі біць воўка. А кума пабегла ў хату, гдзе мясілі хлеб, укачалася ў рашыну⁸, выбегла, села на стог ды і сядзіць. А воўк, пачуўшы людзей, як зачаў рвацца, ды і адарваў хвост, і сам ледва⁹ уцёк. Бяжыць ён дак бяжыць, аж бачыць, на стагу сядзіць ліска ды і есць. «Кумко-галубко, бачыш, якая ты благая!¹⁰ Ашукала¹¹ мяне. Хоць за тое дай што есці». — «На, лізні раз», — сказала ліска ды і пазволіла раз лізнуць.

Воўк, лізнуўшы, захацеў другі раз ды і ізноў зачаў прасіць шчэ. «Не дам ужо большэ, бо мне баліць, бо я ем сваі мазгі; калі хочеш есці, разганіся галавой ў сасну, разбі галаву дай ясі!» Той воўк ізноў паслухаў хітрай ліскі, пашоў ў лес, ды і як разагнаўся аб сасну галавой, дак і забіўся

¹ Да и.

² Через, сквозь.

³ Чтоб.

⁴ Попробовал.

⁵ Озеро.

⁶ Прорубь.

⁷ Послышав.

⁸ Вымазалась в тесто (р а ш и н а — мучной раствор).

⁹ Едва.

¹⁰ Недобрая, дурная.

¹¹ Обманула.

на смерць. Ліска, ўбачыўшы, што воўк забіўся, пашла, з'ела ўсе мазгі воўка дай схавалася¹ ў нару.

6

Як була собі лисичка, да й пішла раз до адной бабы добуваць агню; ввійшла у хату да й каже: «Добрий день тобі, бабуся! Дай мені агня». А баба тільки што вийняла із печі пирожок із маком, солодкий, да й положила, щоб він прохолов²; а лисичка се і підгледала, да тільки што баба нахилилась³ у піч, щоб достать агня, то лисичка зараз ухватила пирожок да і драла⁴ з хати, да, біжучи, весь мак із яго виїла, а туда сміття наклала.

Прыбігла на поле, аж там пасуць хлопці бичків. Вона і каже ім: «Ей, хлопці! Проміняйце мені бичка-третячка⁵ за маковий пирожок». Тіі согласились; так вона ім гаворить: «Смотріть же, ви не їжте зараз сього пирожка, а тоді уже розломите, як я заведу бичка за могилку; а то ви яго ні за що не розломите». Бачите вже — лисичка такі собі була розумна, што хочь кого да обманить. Тіі хлопці так і зробили, а лисичка як зайшла за могилу, да зараз у ліс і повернула, щоб на дарозі не догналі; прыйшла у ліс да і зробила⁶ собі санки да й іде.

Коли йде вовчик: «Здорова була, лисичко-сестричко!» — «Здоров, вовчыку-братику!» — «Де⁷ се ти узяла собі і бичка і санки?» — «Е! Зробила». — «Підвези ж і мене». — «Е, вовчыку! Не можна». — «Мені хочь одну ніжку». — «Одну можна». Він і положив, да од'їхавши немого і просить, щоби іще одну положить. «Не можна, братику! Боюсь, щоб ти саней не зламав». — «Ні, сестричко, не бійся!» — да і положив другую ніжку. Тільки што од'їхали, як шось і тріснуло. «Бачиш, вовчыку, уже і ламаеш санки». — «Ні, лисичко! Се у мене був орішо́к, так я розкусив». Да просить оп'ять, щоб і третю ногу положить; лисичка і ту пустила, да тільки што оп'ять од'їхали, аж шось уже дужче⁸ тріснуло. Лисичка закричала: «Ох, лишечко!⁹ Ти ж мені, братику, зовсім зламаеш санки». — «Ні, лисичко, се я орішо́к розкусив». — «Дай же і мені, бачиш який, што сам їж, а мені і не даеш». — «Нема уже більше, а я б дав». Да і просить оп'ять, щоб пустила положить і послідню ногу. Лисичка і согласилась.

Так він тільки што положив ногу, як санки зовсім розламались. Тоді вже лисичка так на яго розсердилась, што і сама не знала щоб робыла! А

¹ Спряталась.

² Остыл.

³ Наклонилась.

⁴ Убежала.

⁵ Т р е т ь я к — теленок или жеребенок по третьему году.

⁶ Сделала (Ред.).

⁷ Где.

⁸ Сильнее.

⁹ Беда (Уменьшительное от «лихо»).

як отошло серце, вона і каже: «Іди ж, ледащо!¹ Да нарубай дерева, щоб нам оп'ять ізробить санки; тільки рубавши кажи так: «Рубайся ж, дерево, і криве і пряме». Він і пішов да й каже усе: «Рубайся ж, дерево, усе пряме да пряме!» Нарубавши і приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, як їй нужно, оп'ять розсердилась. «Ти, — говорить, — не казав, видно, так, як я тобі веліла!» — «Ні, я усе теж казав, що ти мені казала». — «Да чомусь² не таке рубалось? Ну, сиди ж ти тут, а я сама піду на рубаю», — да і пішла у ліс.

А вовк дивиться, що він сам остався; узяв да проїв у бичка дірку да виїв усе в середині, а напускав тудя горобців³ да ще соломою заткнув, поставив бичка, а сам і втік⁴. Аж лисичка приходить, зробила санки да й сіла і стала поганяць: «Гей, бичок-третячок!» Тільки він не везе. От вона встала, щоб поправить: може, що не так запряжено; да, не хочачи, одоткнула солому, а оттудя так і сипнули горобці летіти. Вона уже тоді побачила, що бичок неживий; покинула його да й пішла.

Легла на дорозі, аж дивиться — їде мужик з рибою; вона і притворилась, що здохла. От мужик і говорить: «Возьму я оцю⁵ лисицю, обдеру да хоть шапку собі зошью». Узяв да і положив ззаді у воза. Вона замітила, що мужик не смотрить, стала ногами викидувать рибу з воза, а когды побачила, що навикидала уже багато, тоді потихесеньку і сама злізла; сіла біля⁶ риби да і їсть собі, — коли біжить оп'ять той самий вовчик.

Побачивши, що вона їсть рибу, прибіг до їй да й каже: «Здорово була, лисичко-сестричко! Де се ти набрала стільки риби?» Вона каже: «Наловила, вовчику-братику!» А собі на думці: «Подожди, і я зроблю з тобою таку штуку, як і ти зо мною». — «Як же ти ловила?» — «Так, вовчику, уложила хвостик в ополонку⁷, вожу тихенько да й кажу; ловися, рибка, мала і велика! Коли хочеш, то і ти піди, налови собі». Він побіг да зробив так, як казала лисичка. А лисичка стала за деревом да й дивиться; коли у вовчика зовсім хвостик примерз, вона тоді побігла в село да й кричить: «Ідіть, люди, вбивайте вовка!» Люди набігли з кольями да і убили його.

7

днажды лиса украдала лошадей с полной сбруей с телегою и давай разъезжать по лесу. Попадается ей навстречу медведь. «Лисонька, посади меня», — говорит медведь. «Садись, сиволопый черт!» Медведь сел. Поехали; попадается им волк. «Лисонька, посади меня», — говорит волк. «Садись, серый вор!» После того попадается на-

¹ Негодный.

² Почему-то (Ред.).

³ Воробьев.

⁴ Убежал.

⁵ Эту.

⁶ Подле, возле.

⁷ Прорубь.

встречу косою заяц. «Лисонька, посади меня», — говорит он. «Садись, косою!» Вот и поехали вчетвером и запели песни.

Вдруг переломилась у них оглобля. Лисица говорит медведю: «Ступай ты, Мишенька, принеси оглоблю». Медведь пошел по лесу, только лес трещит; переваливал пропасть дерев, наконец выбрал самое большое, толстое дерево и принес лисе. «Не годится это на оглоблю, сивопалый ты Мишка! Ступай ты, серый волк!» — говорит лисица. Волк пошел и принес также целое дерево, но поменьше. «И это не годится, — говорит лиса, — поди принеси ты, косою заяц!» Заяц пошел и принес пруточек. «Все вы ничего не смыслите! Пойду уж сама», — говорит лисица.

Пока она ходила, медведь с волком и съели лошадь, а в шкуру лошадиную набили моху и опять запрягли как бы живую лошадь. Лисица выбрала славную оглобелю; приходит к телеге, а уж на ней нет ни медведя, ни волка, ни зайца. Она переменяла оглобелю и начала погонять лошадь, а та ни с места. Стала ее дергать вожжами и бить палкою, лошадь и свалилась. Слезла лиса с телеги, посмотрела на лошадь и увидала, что она набита мохом, а мясо все съедено; поплакала-поплакала и опять стала ходить по лесу пешком.

Повадилась лиса таскать из садков рыбу. Мужики догадались и решили изловить вора, а лиса, как сметливая баба, накравши в последний раз рыбки, пошла гулять по лесу. Попадаетея ей навстречу серый волк. «Что ты ешь, лисонька?» — спрашивает волк. «Рыбку, куманек». — «Да где же ты ее берешь?» — «Да сама ловлю». — «Да как же ты ее ловишь? Научи-ка меня!» — «Изволь, куманек! Возьми ведро, привяжи к хвосту, да и опусти в прорубь: рыба и найдет к тебе сама в ведро; только ты часа два посиди у проруби!» Волк так и сделал; но только часа через два хвост-то у него примерз к проруби, так что он, как ни старался, — оторвать его не мог. Поутру пришли мужики и убили его.

Пришла лиса к медведю в берлогу и выпросилась перезимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила их под себя и ела понемножку. Медведь однажды и спрашивает: «Что ты, кумушка, ешь?» — «Да что, куманек, изо лба кишочки таскаю да и кушаю». — «И сладко?» — спрашивает медведь. «Сладко, куманек». — «Дай-ка попробоваться!» Она ему дала немного курятинки. Облакомился Мишка и ну тискать себе изо лба кишочки, до тех пор надрывался, пока не околел. А лисица этому и рада. Ей и пищи на целый год, и мягкая постель, и теплая конура.

8. ЗА ЛАПОТОК — КУРОЧКУ, ЗА КУРОЧКУ — ГУСОЧКУ

Шла лиса по дорожке и нашла лапоток, пришла к мужику и просится: «Хозяин, пусти меня ночевать». Он говорит: «Некуда, лисонька! Тесно!» — «Да много ли нужно мне места! Я сама на лавку, а хвост под лавку». Пустили ее ночевать; она и говорит: «Положите мой лапоток к вашим курочкам». Положили, а лисонька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встают, она и спрашивает свой лапоть, а хозяева говорят: «Лисонька, ведь он пропал!» — «Ну, отдайте мне за него курочку».

Взяла курочку, приходит в другой дом и просит, чтоб ее курочку посадили к хозяйским гуськам. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее утром гуська. Приходит в новый дом, просится ночевать и говорит, чтоб ее гуська посадили к барашкам; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще в один дом. Осталась ночевать и просит посадить ее барашка к хозяйским бычкам. Ночью лисонька украла и барашка, а поутру требует, чтобы за него отдали ей бычка.

Всех — и курочку, и гуська, и барашка, и бычка — она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дороге. Идет медведь с волком, а лиса говорит: «Подите, украдьте сани да поедемте кататься». Вот они украли и сани и хомут, впрягли бычка, сели все в сани; лиса стала править и кричит: «Шню, шню, бычок, соломенный бочок! Сани чужие, хомут не свой, погоняй — не стой!» Бычок нейдет. Она выпрыгнула из саней и закричала: «Оставайтесь, дураки!», а сама ушла. Медведь с волком обрадовались добыче и ну рвать бычка; рвали-рвали, видят, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домам.

9—13. ЛИСА-ПОВИТУХА

9

Жили-были кум с кумой — волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком. «Кума, кума, — говорит волк, — кто-то стучит». — «А, знать, меня на повой¹ зовут!» —

¹ Прием новорожденного; повивать, повивальная бабка.

бормочет лиса. «Так поди сходи», — говорит волк. Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад. «Что Бог дал?» — спрашивает волк. «Початочек», — отвечает лисица.

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком. «Кума! Кто-то стучится», — говорит волк. «На повой, знать, зовут!» — «Так сходи». Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта: медку только на доньшке осталось. Приходит к волку. «Что Бог дал?» — спрашивает ее волк. «Серёдышек».

В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок. «Что Бог дал?» — спрашивает ее волк. «Поскрёбышек».

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворую, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду ни крошки. «Кума, кума, — кричит волк, — ведь мед съеден». — «Как съеден? Кто же съел? Кому кроме тебя!» — погоняет лисица. Волк и кстится и божится. «Ну, хорошо! — говорит лисица. — Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мед, тот и виноват».

Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка. «Кум, кум, — толкает волка, — это что? Вот кто съел!» И волк, нечего делать, повинился.

Вот вам сказка, а мне кринка масла.

10

Жили-были волк да лисичка. У лисички-то изба была ледяная, а у волка-то лубяная. Лето стало, у лисички избушка и растаяла. Пошла она к волку на фатеру¹ проситься: «Пусти-ка, кум, меня на лесенку». — «Нет, кума, не пушу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!»² Взошла кума на лестницу; как бы добраться до печки?

Начала она умолять кума не вдруг, а потихоньку, помаленьку: «Пусти-ка, кум, меня на крылечко-то». — «Нет, кума, не пушу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» Взошла на крыльцо: «Пусти-ка, кум, меня в сенцы-те». — «Нет, кума, не пушу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» Взошла в сени: «Пусти-ка, кум, меня в избу-то». — «Нет, кума, не пушу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!»

Пришла в избу: «Пусти-ка, кум, меня на гóлбчик³-от». — «Нет, кума, не пушу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» Влезла на гóлбчик: «Пусти-ка, кум, меня на полатцы-то». — «Нет, кума, не пушу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» А с полатей просится: «Пусти-ка, кум, меня на печку-то». — «Нет, кума, не пушу». — «Пусти, кум!» — «Да уж лизь ты!» — с досадою сказал волк...

¹ Квартиру.

² Лизь — входи; инно — союз, употр. в случае недоумения.

³ Гóлбец — деревянная приделка к печи.

Легла кума на печку, да и постукивает хвостиком: «Чу, кум, меня зовут бабиться»¹. — «Поди», — отвечает кум. Пошла кума на вышку², нашла кринку масла, да и почала ее; пришла назад в избу. Волк спрашивает: «Кого Бог дал, кума?» — «Початышка». Легла опять да постукивает, и говорит: «Чу, кум, меня бабиться зовут». — «Поди, кума!» Сходила на вышку и пришла назад. Волк спрашивает: «Кого Бог дал, кума?» — «Серёдышка». Легла опять на печку да постукивает, и говорит: «Чу, кум, меня бабиться зовут». — «Поди, кума!» Воротилась кума, а волчок-от спрашивает: «Кого Бог дал, кума?» — «Заскрёбышка».

Волк хотел оладыи печи, пошел на вышку, а масла-то нету. Спрашивает он куму: «Ты, кума, съела масло?» — «Нет — ты, кум! Ляжем-ка на шесток-от: у кого масло выпрежится?»³ Волк уснул, а у лисички выпреглось масло; она им и вымазала кума. Пробудился волк; лисичка ему и говорит: «Ведь ты, кум, съел!» Он говорит: «Нет — ты, кума!» Спорили да спорили и не могли переспорить один другого...

Кума рассердилась, пошла куды-то и легла на дорогу, а мужик с рыбой ехал, да и думает, что лисичка пропала⁴, взял ее и бросил на сани. Она проела у него бочку с рыбой и рыбу рассыпала. Приехал мужик домой и посылает жену: «Поди-ка, жена, я лисицу привез». Пошла жена: ни рыбы, ни лисицы нет.

Лиса собрала рыбу и идет к куму волку: «Ли-ка⁵, кум, сколько я наудила!» — «Поведи-ка меня, кума, научи». — «Вот как удь: хвост-то умочи в воду-то». Пошел кум, умочил хвост, да и приморозил. Лисичка стала смеяться над кумом: «Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни у волка хвост!» Он не учул⁶, да и спрашивает: «Чего ты, кума, говорила?» — «Чтоб Бог дал тебе боле рыбы-то». Бабы пришли, да и убили волка, а лисичка убежала.

11

Волк и лиса жили в одном месте. У волка был дом коряной, а у лисы ледяной. Вот пришла весна красная, у лисы дом растаял, как не бывал. Что делать ей? Но лиса хитра, пришла она к волку под окошечко, да и говорит: «Волченёк-голубок! Пусти меня, горемычную, хоть во двор». А тот так толсто⁷: «Поди, лиса!» — «Волченёк-голубок! Пусти хоть на крылечко». — «Поди, лиса!» — «Волченёк-голубок! Пусти хоть в избу». — «Поди, лиса!» — «Волченёк-голубок! Пусти хоть на приступочек». — «Поди, лиса!» — «Волченёк-голубок! Пусти на печку». — «Поди, лиса!»

¹ Быть повивальной бабкою.

² Чердак.

³ Выгопится.

⁴ Издохла.

⁵ Гляди-ка.

⁶ Не расслышал.

⁷ Говорит.

Вот лиса на печке лежит да хвостом вертит; совсем бы она, да вишь трои сутки не едала: как узнать, где у волка хлеб? И ну искать; искала-искала, да и нашла на избе у волка лукошко толокна да кринку масла, а сама опять на печку. Стук, стук, стук! А волк: «Лиса, кто-то стучается?» Лиса в ответ: «Волченёк-голубок! Тебя в кумы зовут, а меня в кумушки». — «Пооди, лиса, а мне лихо¹». А лиса тому и рада: с печки скок да на избецу скок, а там масла лизнет, толоконца лизнет, лизала-лизала, да все и сзобала²; с избецы скок да на печку скок, и лежит, как ни в чем не бывала.

Волк спал-спал, да есть захотел и на избецу побрел. «Ахти беда! — волк завопил. — Ахти беда! Кто масло съел, толокно сзобал?» А лиса: «Волченёк-голубок! На меня не подумай». — «Полно ты, кума! Кто подумает на тебя!» И тем дело решили, а голода не заморили.

«Пооди, кума, на Русь, — говорит волк лисе, — что найдешь, то и тащи, а не то с голоду умрем». А лиса ни слова в ответ и шмыг на Русь. Выбежала на дорогу, видит — едет с сельдами мужик, прикинулась и легла поперек дороги, как умерла. Наехал мужик на лису. «Ай, — говорит, — лисица! Что за шерсть, что за хвост!» А сам лису в воз. Лиса тому и рада: и ну рыть сельди, дорылась до дна и ну грызть рогозу, перегрызла рогозу и ну грызть дно у саней, перегрызла и дно; сельди все в дыру пропустила и сама ускочила.

Мужик уже спал и ничего не знал; а лиса сельди собрала и к волку в избу принесла. «На, — говорит, — волченёк-голубок! Ешь, веселись, ни об чем не тужи!» Волк не может и надивоваться ухватке своей кумы: «Да как ты, кума, сельди-то имала?» — «Ой ты, куманек-голубок! Я хвост-то как в прорубь упущу, сельдь да две, сельдь да две!» Волка так и забирает попробовать это дело неслыханное.

Вот он хлеба каталажку³ наклал и отправился ловить сельдей, как кума его учила. Пришел он к реке, упустил в воду хвост, да и держит, а лиса в то ж время молит: «На небе ясни, ясни! У волка хвост мерзни, мерзни!» И вот треснул мороз, что у волка хвост замерз.

Пришли поповы дочки и волка кичигой⁴ зашибли, да из шкуры себе шубу сшили! А лиса осталась одна жить, и теперя живет, и нас переживет.

12

Жили-были куманек да кумушка, волк да лисица. Вздумали они построить себе из снегу избушку и жить добром. Вздумано, взгадано и сделано. Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот они и построили избушку возле деревушки. Куманек кормил свою кумушку телятиною да бараниною, а кума его курочками да цыплятами.

¹ Не хочется, лень.

² Зобать — есть, кушать.

³ Каталажка — дорожная сумка, носимая за плечами.

⁴ Кичига — цеп молотильный; валек.

Однажды кумушка говорит своему куманьку: «Куманек, пойдем вместе в деревню и полакомимся. Я буду сторожить, а ты будешь носить». Вот отправились на охоту, пришли в деревню; а в деревне все мужики и бабы на сенокосе, а малы ребятишки в горохе. «Ну, кум, теперь нам раздолье; хоть всю деревню шаром покати! Теперь своя воля и наша доля». И лиса улизнула в стайку¹ и двух кур удушила; пришла и добычу принесла и куму говорит: «Теперь, куманек, ты ступай, твоя черед! Я стану сторожить и на все стороны глядеть».

Волк пробежал половину деревни, и послышался ему лай собаки, запертой в избе; он проскакал деревню и остановился за погребом. Видит, что нет за ним никакой погони, что в деревне нет ни шуму, ни гаму, и лиса-кумушка никакой вести ему не дает, волк тихоонько отворил погреб, схватил кринку масла и был таков. Пришли домой, зажали добычу, съели и легли отдыхать.

Лисе показалось масло вкусно, захотелось еще полизать и отведать маслица голичком². Вот она тихонько встала и к кринке подошла; на ту пору волк пробудился и с боку на бок перевалился. Лиса брызгнула³ от кринки и снова улеглась. Волк догадался, что кумушка-лиса хочет маслицем поживиться, встал и вынес кринку в сени и поставил на высокую пóлицу, чтоб кумушке не достать. Как ухитрить — кума обмануть и маслица отведать?

Вот волк ушел в лес за дровами, чтобы печку затопить; в ту пору Лиса Патрiкиевна приставила лесенку на потолок, вскочила по ней и с потолка на пóлицу, обнюхала масло, хотела полизать, да побоялась, чтоб кум не застал. Скорехонько воротилась, села к печке и ждала кума; а кум что-то долго запоздал, бегал от собак, поздно пришел, жаловался, что оченно устал, и лег спать не евши.

Ночью лиса, лежа под окном, стук в стену хвостом и чужим голосом говорит: «Матушка-кормилица! Помоги, пособи горю, не дай умереть!» — «Кто там, — говорит волк, — что такое?» — «Ах, куманек, кролик зовет меня в повивушки». — «Беги да к свету вернись!» — «Коли Бог даст счастливо, я тотчас прибегу». Хлопнула дверьми, стукнула запором, а сама ни вон из сеней. Коль скоро все приумолкло и волк храпел, лиса шмыг на потолок, а с потолка на пóлицу и к маслу. Зоря на дворе, и наша лиса перед волком в избе. «Что, кумушка, кого Бог дал?» — «Початышек, куманек. Початышек!»

На другую ночь лиса ту же хитрость повторила и, стукнув запором, перед волком явилась. «Что, кумушка, кого Бог дал?» — «Серёдышек, куманек. Серёдышек!» В третью ночь кума то же сотворила и волку объявила: «Последышек, куманек. Последышек!»

Однажды волк лисе говорит: «Кумушка, мы теперь масло-то к празднику побережем, а о празднике сотворим пир на весь мир и на славу

¹ Хлев для скотины.

² Г о л и ч к о м — чистого масла, одного масла (*Ред.*).

³ Стремительно, поспешно убежала.

добрым людям». — «Как же, куманек, сохраним, сохраним! Ведь ты его сам упрятал, и некому взять». Перед праздником оба отправились на охоту. Волк притащил за уши свинью да ягненка, а лиса курицу да цыпленка, и пошли наши стряпать.

Все приготовлено, только маслицем сподобить да гостям подать; ведь для праздника надобно же и снадобье¹! «Куманек, — говорит лиса, — сходи-ка да принеси маслица-то». — «Сейчас, сейчас, кумушка!» — и вышел. Взял волк с по́лицы кринку, но кринка пуста, и масла нет. Волк изумился и кричит: «Кума! Где масло? Кто съел его? Кума, ты съела!» — «Что ты, куманек! Я масла и в глаза не видала и близко не бывала. Ты поставил масло высоко и знаешь, что мне не достать. Не сам ли ты съел, а на меня сваливаешь?» — «Так кто же его съел?» — «Верно, ты сам, кум, и хочешь меня провести; полно шутить, меня не обманешь».

Волк начал сердиться и ротиться², что он масла не едал и что лиса его съела. «Полно, куманек, полно шутить. Вот спознаем: кто масло съел? Кто съел, у того оно вытопится; надо лечь брюхом к огоньку, испробуем-ка? Подай-ка кринку-то, я хоть пустую посуду уберу». Волк отдал кринку, а лиса в кринку лапу и обшарила³ всю. Вот легли наши против печи к огоньку. Волка пригрело, и он захрапел. Лиса вымарала лапой пол перед волком и лапой же провела по волчьей брюху. Волк спросил: «Что ты, кума, делаешь?» — «А вот смотрю, как у тебя масло вытапливается; смотри-ка, ты и пол-от замаслил. Вишь, я правду сказала, что кто масло съел, у того и вытопится». Волк провел по брюху лапою и нашел, что оно в масле. «Что, куманек, не стыдно ли свой грех на чужих сваливать? Отпирайся теперь, вор, а укору-то верные».

Волк осердился, с досады и горя пустился бежать и домой не воротился. Пришло лето, изба растаяла. Волк эту бльь мне сам рассказывал и заверял, что вперед никогда не станет жить вместе с лисою.

13

У волка была изба деревянная, а у лисы ледяная. Пришло лето, растаяла у лисы изба. Она пришла к волку и говорит: «Кум, ты не знаешь моего горечка!» — «Что, кума, у тебя за горечко?» — «Изба-то растаяла, пусти к себе пожить». — «Изволь, поди, кума, поживи». Лиса говорит: «Ныне, кум, разбуди меня пораньше, меня придут звать на повой». Настала ночь, к дверям пришла другая лиса и стучится. Волк услышал и начал будить свою куму: «Кума! Вставай, пришли за тобой». — «Спасибо тебе, куманек, что разбудил; я бы проспала».

¹ Приправа к кушанью.

² Клясться.

³ Вытерла.

Вышла и пустила тихонько в сени свою подругу. Залезли они на полдовку¹, где у волка было много меду, и съели половину кадушки. Проводила кумушка подругу и взошла в избу. «Как, кума, младенца зовут?» — спросил волк. «Починочком». На другую ночь то же. Кумушки весь медок съели. Волк опять спрашивает: «Что, кума, как зовут?» — «Поскрёбышком». День пришел, и лиса захворала: «Ох, ох!..» — «Что, кума, или захворала?» — «Захворала, кум, что-то головушка заболела». — «Постой-ка, кума, я тебя вылечу; у меня есть запасец».

Полез на полдовку, хватить — нету меду в кадушке. Рассердился волк, вбежал в избу и спросил: «Ты, лиса, съела у меня мед?» — «Нет, кум, что ты, господь с тобой! Ты знаешь, что в день-то мы с тобой вместе ходим, а ночью я на повое бываю; когда мне твой мед есть?» — «Нет, лебедушка, пошла вон из моей избы, чтоб я тебя не видал!» Лиса ушла, а волк стал по-прежнему поживать да медок запасать.

14. ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала. Идет дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: «Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчик! — говорят собаки. — Мы ее выгоним». — «Нет, не выгоните!» — «Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!» А она им с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь: «О чем, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчик! — говорит медведь. — Я выгоню ее». — «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь». — «Нет, выгоню!» Пошли гнать: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык: «Про что, зайчик, плачешь?» — «Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгна-

¹ Пóлдовка — чердак.

ла». — «Пойдем, я ее выгоню». — «Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь». — «Нет, выгоню». Подошли к избенке: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой: «Кукуреку! О чем, зайчик, плачешь?» — «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала». — «Пойдем, я выгоню». — «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь». — «Нет, выгоню!» Подошли к избенке. «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она услышала, испугалась, говорит: «Одеваюсь...» Петух опять: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она говорит: «Шубу надеваю». Петух в третий раз: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» Лисица выбежала; он ее зарубил косой-то и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать.

Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

15—17. ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

15

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На зоре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насести-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает, скоро ли петух подойдет. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и стала здороваться: «Здравствуй. Петенька!» — «Зачем ее лукавый занес?» — думает петух. А лиса приступает с своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни

¹ Игра слов: п е т е н ь к а — уменьшительная форма от слова «петух» (петел) и от имени Петр.

разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму».

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит: «Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..» — «Ах, лиса! — говорит петух. — Ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвириною, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны¹ сладкие, и пойдет про нас слава добрая». Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

16

Зело удивительно: шла лисица из дальних пустынь. Завидевши петуха на высокоем древе, говорит ему ласковые словеса: «О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на высокоем древе да мыслишь ты мысли недобрые, проклятые; вы дёржите жен помногу: кто держит десять, кто — двадцать, йнный — тридцать, прибывает со временем до сорока! Где сойдетесь, тут и деретесь о своих женах, как о наложницах. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела; все тебя, мое милое чадо, исповедать хотела». — «О мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в йнное время». — «О милое мое чадо, петел! Не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грехах умрещи». — «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Не осуждайте друг друга, и сами не осуждены будете; кто что посеял, тот и пожнет. Хочешь ты меня силой к покаянию привести и не спасти, а тело мое пожрать». — «О милое мое чадо, петел! Почто ты такую речь говоришь? Почто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фарисея, как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высокоем древе погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе; прощен и разрешен и до царствия небесного допущен».

Узнал петух на своей душе тяжкий грех, умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек; спустился петел на землю и сел перед лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти, зрит на него свирепыми глазами, скрежешет острыми зубами; хочет, как некоего беззаконника, жива пожрать.

И рече петел лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Ты ли меня спасешь, как тело мое по-

¹ К а н у н — мед, пиво, брага, сваренные к празднику или в память усопшего (Ред.).

жрешь?» — «Не дорого твое тело и цветное платье, да дорого отплатить некую дружбу. Помнишь ли ты? Я шла ко крестьянину, хотела малого куренка съесть; а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах, закричал-завопил велиим гласом, ногами затопал, крыльями замахал; тогда курицы заговорили, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали все мужики и бабы: бабы прибежали с помелами, а мужики с топорами и хотели мне за куренка смерть учинить; а сова у них из рода в род пребывает и всегда курят поедает. А тебе, дурак, бездельник, не быть теперь живому!»

Рече петух лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, лстыивый твой язык! Вчерашнего числа звали меня ко Трунчинскому митрополиту во дьяки, выхваляли всем крылосом и собором: хорош молодец, изряден, горазд книги читать, и голос хорош. Не могу ли тебя, мати моя лисица, упросить своим прошеньем хоть в просвирни? Тут нам будет велик доход: станут нам давать сладкие просвиры, большие перепечи¹, и масличко, и яички, и сырчики». Узнала лисица петушиный признак (sic), отпустила петуха из своих когтей послабже. Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закричал-завопил велиим гласом: «Дорогая боярыня просвирия, здравствуй! Велик ли доход, сладки ли просвиры? Не стерла ли горб, нося перепечи? Не охоча ли, ворогуша², до орехов? Да есть ли у тебя зубы?»

Пошла лисица в лес, яко долгий бес, и возрыда горько: «Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты отроду не видала. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы в просвириях!» Ему же слава и держава отныне и до веку, и сказке конец.

17

Как волки озорничали,
 Себя величали, —
 Сходила свинья со двора.
 Сводила за собой махоньких и беленьких³.
 Она думала — по лесу-лэсу,
 Ан у⁴ колос, у овес.
 У ней были зубки ловки,
 Усе схватывала головки,
 Подходила к волку близко.
 Поклонилась ему низко:
 «Здравствуй, волк-волчок!
 Не будет ли с тебя
 Махоньких и беленьких?» —

¹ Сладкое сдобное печенье из белой муки.

² Бранное слово, то же что — враг, ворог.

³ Т. е. поросят.

⁴ Вместо «в».

«Эх ты, свинушка!
Я глазами окину —
И тебя не покину».
Взял за щетину
И повалил на спину.
И стал косточки объедать,
А мякушко в кучку собирать.
Бежала непорочная лисица:
«Ох ты, кум-куманек!
Некупленное у тебя, дешевое;
Не поделишь ли мяса?» —
«Эх ты, кумушка!
Ведаешь, Ермак
Зап... натошак?
И тебе того не миновать».
Лисица слышит нерадостны речи,
Назад, назад, да и бежать!
Прибежала в город Козельск;
В городе во Козельске
Сидит красное чадо —
Петух на дубу.
«Ох ты, петух-петушок!
Спускайся ты на низящее,
С низящего на землящее;
Я твою душу
На небеса взнесу».
Петух сдуру лисицу послушал,
Слезал на низящее,
С низящего на землящее.
Лисица стала петушка вертеть,
Петушку невмочь стало терпеть,
.....
Ох ты, лисица, желтая княгиня!
Как у нашего у батюшки
Маслицем (блинки) поливают,
Тебя в гости поджидают;
Там-то не по-нашему,
Пироги с кашею.
Помяни, господи,
Сидора да Макара,
Третьего Захара,
Трех Матрен
Да Луку с Петром,
Деда-мироода,
Бабку-бельматку (?).
Тюшу да Катюшу,
Бабушку Матрюшу!

18. ЛИСА-ЛЕКАРКА

Бывал-живал старик со старухой. Старик посадил кочешок¹ в подполье, а старуха в попелушку². У старухи в попелушке совсем завял кочешок, а у старика рос, рос, до полу дорос. Старик взял топор и вырубил на полу прямо³ кочешка дыру.

Кочешок опять рос, рос, до потолка дорос; старик опять взял топор и вырубил на потолку прямо кочешка дыру. Кочешок рос, рос, до неба дорос.

Как старику поглядеть на верхушку кочешка? Полез по корешку, лез-лез, лез-лез, долез до неба, просек на небе дыру и влез туда. Смотрит: стоят жерновцы⁴; жерновцы повернутся — пирог да шаньга⁵, наверх каши горшок. Старик наелся, напился и спать повалился.

Выспался, слез на землю и говорит: «Старуха, а старуха! Какое житье-то на небе! Там есть жерновцы, как повернутся — пирог да шаньга, наверх каши горшок!» — «Как бы мне, старичок, там побывать?» — «Садись, старуха, в мешок; я тебя унесу». Старуха подумала и села в мешок.

Старик взял мешок в зубы и полез на небо; лез-лез, долго лез; старухе стало скучно, она и спрашивает: «Далеко ли, старичок?» — «Далече, старуха!» Опять лез-лез, лез-лез. «Далеко ли, старичок?» — «Еще половина!» Опять лез-лез, лез-лез. Старуха снова спрашивает: «Далеко ли, старичок?» Только старик хотел сказать: «Недалече!» — мешок у него из зубов вырвался, старуха на землю свалилась и вся расшиблась. Старик спустился вниз по кочешку, поднял мешок, а в мешке одно костье, и то примельчалось.

Пошел старик из дому и горько плачет. Навстречу ему лиска: «О чем, старичок, плачешь?» — «Как не плакать! Старуха расшиблась». — «Молчи, я вылечу». Старик пал лисице в ноги: «Вылечи, что угодно заплачу!» — «Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мешочек, маслища горшочек, да старуху, а сам стань за двери и не смотри в баньку».

Старик вытопил баню, принес что надо и стал за двери; а лиса зашла в баню, двери на крюк, стала мыть старухины кости, моет — не моет, а все оглаживает. Старик спрашивает: «Каково, старушка?» — «Пошевеливается!» — говорит лиска, а сама доела старуху, собрала костье и сложила в уголок и принялась месить саламату⁶.

Старик постоял-постоял и спрашивает: «Каково, старушка?» — «Посиживает!» — говорит лиска, а сама саламату дохлебывает. Съела и говорит: «Старичок, отвори двери шире». Он отворил, а лиса прыг из баньки и убежала домой. Старик вошел в баню, поглядел: только старухины кости под лавкой, и те оглоданы, толоконце и маслище съедено. Остался старик один в бедности.

¹ Кóчень (кочан).

² Куда собирается зола, пепел.

³ Против.

⁴ Жернова, или ручная мельница.

⁵ Ватрушка, или хлеб из пшеничной муки, обмазанный сметаной и маслом.

⁶ Жидкая кашка (*Ред.*).

19. СТАРИК ЛЕЗЕТ НА НЕБО

Жил старик и старуха. Старик катал, катал одну горошину. Она и упала наземь; искали, искали, не могли найти с неделю. Минула неделя, и увидели старик да старуха, что горошина дала росток; стали ее поливать, горошина взяла расти выше избы.

Горох поспел, и полез старик по горох, нащипал большой узел и стал слезать по китине¹. У старика узел упал и старуху убил; тем и кончилось.

20. СТАРИК НА НЕБЕ

Жил дед да баба, и была у них хата. Посадил дед бобинку, а баба горошинку под стол. Горошинку поклевала курица, а бобинка выросла под самый стол; приняли стол, она еще выше выросла, сняли накат, крышу — все растет, и выросла под самое небо. Дед полез на небо; лез, лез — стоит хатка, стены из блинов, лавки из калачей, печка из творогу, вымазана маслом. Он принялся есть, наелся и лег на печку отдыхать.

Приходят двенадцать сестер-коз; у одной один глаз, у другой два, у третьей три, и так дальше; у последней двенадцать. Увидали, что кто-то попробовал их хатку, выправили ее и, уходя, оставили стеречь одноглазую. На другой день дед опять полез туда же, увидел одноглазую и стал приговаривать: «Спи, очко, спи!» Коза заснула, он наелся и ушел. На следующий день сторожила двуглазая, потом трехглазая, и так дальше. Дед приговаривал: «Спи, очко, спи, другое, спи, третье! и проч.» Но на двенадцатой козе сбился, заговорил только одиннадцать глаз; коза увидела его двенадцатым и поймала.

¹ К и т и н а — ствол травы, на которой растут стручки.

21—22. ЛИСА-ПЛАЧЕЯ¹

21

Жил-был старик со старухой, была у них дочка. Раз ела она бобы и уронила один наземь. Боб рос, рос и вырос до неба. Старик полез на небо; взлез туда, ходил-ходил, любовался-любовался и говорит себе: «Дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!» Слез наземь — посадил старуху в мешок, взял мешок в зубы и полез опять наверх; лез, лез, устал, да и выронил мешок. Спустился поскорее, открыл мешок, смотрит — лежит старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила. Он и говорит: «Что ты, старуха, смеешься? Что зубы-то оскалила?» — да как увидел, что она мертвая, так и залился слезами.

Жили они одни-одинехоньки, среди пустыря; некому и поплакать-то по старухе. Вот старик взял мешок с тремя парами беленьких курочек и пошел искать плачеи. Видит — идет медведь, он и говорит: «Поплачь-ка, медведь, по моей старухе! Я дам тебе две беленьких курочки». Медведь заревел: «Ах ты, моя родимая бабушка! Как тебя жалко». — «Нет, — говорит старик, — ты не умеешь плакать». И пошел дальше. Шел-шел и повстречал волка; заставил его причитать, — и волк не умеет.

Пошел еще и повстречал лису, заставил ее причитать за пару беленьких курочек. Она и запела: «Туру-туру, бабушка! Убил тебя дедушка». Мужичу понравилась песня, он заставил лису петь в другой, третий и четвертый раз; хватать, а четвертой пары курочек и недостает. Старик говорит: «Лиса, лиса! Я четвертую пару дома забыл; пойдем ко мне». Лиса пошла за ним следом. Вот пришли домой; старик взял мешок, положил туда пару собак, а сверху заложил лисонькиными шестью курочками и отдал ей. Лиса взяла и побежала; немного погодя остановилась около пня и говорит: «Сяду на пенек, съем белую курочку». Съела и побежала вперед; потом еще на пенек села и другую курочку съела, затем третью, четвертую, пятую и шестую. А в седьмой раз открыла мешок, собаки на нее и выскочили.

Лиса ну бежать, бежала-бежала и спряталась под колоду, спряталась и начала спрашивать: «Ушки, ушки! Что вы делали?» — «Мы слушали да слушали, чтобы собаки лисоньку не скушали». — «Глазки, глазки! Что вы делали?» — «Мы смотрели да смотрели, чтоб собаки лисоньку не съели». — «Ножки, ножки! Что вы делали?» — «Мы бежали да бежали, чтоб собаки лисоньку не поймали». — «А ты, хвостиче, что делал?» — «Я по пням, по кустам, по колодам зацеплял, чтоб собаки лисоньку поймали да разорвали». — «А, ты какой! Так вот же, нате, собаки, ешьте мой хвост!» — и высунула хвост, а собаки схватили за хвост и самоё лисицу вытащили и разорвали.

¹ П л а ч е я — женщина, оплакивающая по обычаю покойника с разными причитаниями.

22

Живал-бывал старик да старушка. Старушка померла. Старику стало очень жалко, пошел он искать плачеи. Идет, а навстречу ему медведь: «Куда, старик, пошел?» — «Плачеи искать, старуха померла». — «Возьми меня в плачеи». Старик спрашивает: «Умеешь ли плакать?» Он заплакал: «М-е!» Старик говорит: «Не умеешь, не надобно, голос нехорош!»

Пошел вперед; лисица бежит: «Куда, старик, пошел?» — спрашивает его. «Плачеи искать, старуха померла». — «Возьми-ка меня». — «Умеешь ли плакать? Поплачь-ка». Она заплакала: «У — крестья-ни-на — бы-ла — ста-руш-ка — по-утру — ра-но — вста-ва-ла — боль-ше — простня¹ — пряла — щи — ка-шу — ва-ри-ла — ста-ри-ка — кор-ми-ла».

Старик сказал лисичке: «Ступай, ты мастерица плакать!» — и привел ее домой, старухе в ноги посадил — та стала плакать, — а сам пошел гроб строить. Пока старик ходил да воротился, а в избе нет ни старухи, ни лисички: все лисичка съела и сама ушла. Поплакал-поплакал старик и стал жить один.

23—26. МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

23

Пахал мужик ниву, пришел к нему медведь и говорит ему: «Мужик, я тебя сломаю!» — «Нет, не замай (не трогай); я вот сею репу, себе возьму хоть корешки, а тебе отдам верхки». «Быть так, — сказал медведь, — а коли обманешь — так в лес по дрова ко мне хоть не езд!» Сказал и ушел в дуброву. Пришло время: мужик репу копает, а медведь из дубровы вылезает. «Ну, мужик, давай делить!» — «Ладно, медведюшка! Давай я привезу тебе верхки», — и отвез ему воз ботвы.

Медведь остался доволен честным разделом. Вот мужик накла свою репу на воз и повез в город продавать, а навстречу ему медведь: «Мужик, куда ты едешь?» — «А вот, медведюшка, еду в город корешки продавать». — «Дай-ка попробовать, каков корешок!» Мужик дал ему репу. Медведь как съел — «а-а, — заревел, — ты меня обманул, мужик! Корешки твои сладеньки. Теперь не езжай ко мне по дрова, а то заде-

¹ Простень — количество льна, выпрядаемое на одно веретено.

ру!» Мужик воротился из города и боится ехать в лес; пожег и полочки, и лавочки, и кадочки, наконец делать нечего — надо в лес ехать.

Въезжает потихонечку; откуда ни возьмись бежит лисица. «Что ты, мужичок, — спрашивает она, — так тихо бредешь?» — «Боюсь медведя, сердит на меня, обещал задрать». — «Небось медведя, руби дрова, а я стану порскать¹; коли спросит медведь: что такое? скажи: ловят волков и медведей». Мужик принялся рубить; глядь — ан медведь бежит и мужику кричит: «Эй, старик! Что это за крик?» Мужик говорит: «Волков ловят да медведей». — «Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумают, что колода лежит». Мужик положил его в сани, увязал веревкою и давай обухом гвоздить его в голову, пока медведь совсем окочился².

Прибежала лиса и говорит: «Где медведь?» — «А вот, околел!» — «Ну что ж, мужичок, теперь нужно меня угостить». — «Изволь, лисонька! Поедем ко мне, я тебя угощу». Мужик едет, а лиса вперед бежит; стал мужик подъезжать к дому, свистнул своим собакам и притравил лисицу. Лиса пустилась к лесу и юрк в нору; спряталась в норе и спрашивает: «Ох вы, мои глазоньки, что вы смотрели, когда я бежала?» — «Ох, лисонька, мы смотрели, чтоб ты не спотыкнулась». — «А вы, ушки, что делали?» — «А мы всё слушали, далеко ли псы гонят». — «А ты, хвост, что делал?» — «Я-то, — сказал хвост, — все мотался под ногами, чтоб ты запуталась, да упала, да к собакам в зубы попала». — «А-а, каналья! Так пусть же тебя собаки едят». И, высунув из норы свой хвост, лиса закричала: «Ешьте, собаки, лисий хвост!» Собаки за хвост потащили и лисицу закамшили³. Так часто бывает: от хвоста и голова пропадает.

24

У мужика с медведем была большая дружба. Вот и вздумали они репу сеять; посеяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужик сказал: «Мне корешок, тебе, Миша, вершок». Выросла у них репа; мужик взял себе корешки, а Миша вершки. Видит Миша, что ошибся, и говорит мужику: «Ты, брат, меня надул! Когда будем еще что-нибудь сеять, уж меня так не проведешь».

Прошел год. Мужик и говорит медведю: «Давай, Миша, сеять пшеницу». «Давай», — говорит Миша. Вот и посеяли они пшеницу. Созрела пшеница; мужик и говорит: «Теперь ты что возьмешь, Миша? Корешок али вершок?» — «Нет, брат, теперь меня не надуеть! Подавай мне корешок, а себе бери вершок». Вот собрали они пшеницу и разделили. Мужик намолотил пшеницы, напек себе ситников⁴, пришел к Мише и говорит ему: «Вот, Миша, какая верхушка-то». — «Ну, му-

¹ Охотничий термин.

² Издох.

³ Задали.

⁴ С и т н и к — булка из пшеничной муки.

жик, — говорит медведь, — я теперь на тебя сердит, съем тебя!» Мужик отошел и заплакал.

Вот идет лиса и говорит мужику: «Что ты плачешь?» — «Как мне не плакать, как не тужить? Меня медведь хочет съесть». — «Не бойся, дядя, не съест!» — и пошла сама в кустья, а мужику велела стоять на том же месте; вышла оттуда и спрашивает: «Мужик, нет ли здесь волков-бирюков, медведёв?» А медведь подошел к мужику и говорит: «Ой, мужик, не сказывай, не буду тебя есть». Мужик говорит лисе: «Нету!» Лиса засмеялась и сказала: «А у телеги-то что лежит?» Медведь потихоньку говорит мужику: «Скажи, что колода». — «Кабы была колода, — отвечает лиса, — она бы на телеге была увязана!» — а сама убежала опять в кустья. Медведь сказал мужику: «Свяжи меня и положи в телегу». Мужик так и сделал.

Вот лиса опять воротилась и спрашивает мужика: «Мужик, нет ли у тебя тут волков-бирюков, медведёв?» — «Нету!» — сказал мужик. «А на телеге-то что лежит?» — «Колода». — «Кабы была колода, в нее бы топор был воткнут!» Медведь и говорит мужику потихоньку: «Воткни в меня топор». Мужик воткнул ему топор в спину, и медведь издох. Вот лиса и говорит мужику: «Что теперь, мужик, ты мне за работу дашь?» — «Дам тебе пару белых кур, а ты носи — не гляди».

Она взяла у мужика мешок и пошла; несла-несла и думает: «Дай погляжу!» Глянула, а там две белые собаки. Собаки как выскочут из мешка-то да за нею. Лиса от них бегла, бегла, да под пенек в нору и ушла и, сидя там, говорит с собою: «Что вы, ушки, делали?» — «Мы всё слушали». — «А вы, ножки, что делали?» — «Мы всё бежали». — «А вы, глазки?» — «Мы всё глядели». — «А ты, хвост?» — «Я все мешал тебе бежать». — «А, ты все мешал! Постой же, я тебе дам!» — и высунула хвост собакам. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

25

Посеял мужик с медведем вместе репу, и родилась репа добрая. Медведь мужику сказал: «Твои коренья, а мои верхушки». Мужик всю зиму ел, а медведь с голоду помирал. На другой год медведь сказал мужику: «Давай сеять пшеницу». Пшеница родилась добрая. «Теперь ты бери верхушки, — сказал медведь мужику, — а мои коренья». Мужик всю зиму ел, а медведь едва с голоду не помер. На третий год мужик один пашет. Медведь к нему пришел и гутарит ему: «Я тебя, мужик, съем, за то, что ты меня обманываешь». А мужик сказал ему: «Погоди, пашню допашу». Медведь и лег под мужичью телегу.

В ту пору бежит лиса к мужику и говорит: «Мужик, я тебя от смерти отведу; что ты мне за работу дашь?» Мужик сказал: «Кур мешок». — «Хорошо; я у тебя спрошу: что у тебя под телегою лежит?» А медведь мужику говорит: «Скажи, что колода». Лиса говорит: «Кабы была колода, она бы на телеге была увязана».

В ту пору лиса убежала прочь в кустья, а после опять возвратилась и говорит мужику: «Что у тебя на телеге лежит?» Мужик сказал: «Колода». — «А кабы колода, в ней бы топор был воткнут». Медведь сказал мужику: «Воткни в меня топор». Мужик и воткнул топор медведю в спину, отчего медведь кончился¹. Лиса говорит мужику: «Вывези же обещанный мешок кур».

На другой день выехал мужик на пашню и вывез мешок, а в нем две курицы и борзую собаку. Вдруг лиса прибегает и говорит мужику: «Что, привез кур?» — «Привез». — «Ну, ты же пушай по одной, а не всех вдруг». Мужик выпустил курицу и другую, потом собаку. Собака за лисой, лиса от собаки побегала в нору.

Собака стоит у норы, а лиса сама с собою говорит: «Ноги, что вы делали?» — «Мы бежали». — «А вы, глазки?» — «Мы глядели». — «А вы, уши?» — «Мы слушали». — «А ты, хвост?» — «Я, — говорит, — тебе под ноги мешался, чтоб ты упала». В ту пору лиса осердилась на хвост и высунула его из норы: «На, собака, ешь хвост!» Собака ухватила лису за хвост, вытащила ее и разорвала.

26

Быў сабе гаспадар² і пашоў гараць³. Гаре ён дак гаре, аж прыходзіць воўк. «Чаго ты прышоў, воўче?» — кажа гаспадар. «Прышоў тваі валы з'есці», — кажа воўк. «Мой ты дэбранькі, мой ты галубок, пачакай⁴ хаця, паколь я дагару, а после сабе з'яси». — «Добра»⁵, — кажа воўк і пашоў пад воз і там лёг. Чалавек той гаре і плаче, аж прыходзіць ліска. «Чаго ты плачеш, чалавече?» — кажа яму ліска. «Я плачу таго, што прышоў да мяне воўк і хоче валы з'есці». — «Ну, калі дасі мне мех курей, то праганю воўка». — «Добра», — кажа гаспадар. Ліска пабегла на гару і крычыць: «Тру-ру-ру-ру! малады князь палюе⁶. Што у цябе, чалавече, пад возам ляжыць?» Чалавек адказвае: «Калода, пане, калода!» — «Каб калода была, то на возе ляжала бы».

Воўк як пачуў, як зачне прасіць чалавека, каб узлажыў яго на воз. Чалавек узлажыў воўка на воз і зачау гараць. І зноў⁷ тая ліска пабегла на другую гару і зноу крычыць: «Тру-ру-ру-ру! Малады князь палюе! Што у цябе, чалавече, на возе ляжыць?» — «Калода, пане!» — адказаў мужык. «Каб калода была, то увязана была бы». Воўк ізноў папрасіў чалавека, каб увязаў; і той чалавек, узяўшы вяроўку, так увязаў воўка, што ён пакруціцца⁸ не змог.

¹ Кончатся — погибать, пропадать, умирать.

² Хозяин.

³ Орать, пахать.

⁴ Подожди.

⁵ Хорошо.

⁶ Охотится.

⁷ Снова (Ред.).

⁸ Повернуться.

Лісіца зноў пабегла на трэцюю гару і так само¹ крычыць: «Тру-ру-ру-ру! Малады князь палое! Што у цябе, чалавече, на возе ляжыць?» Мужык таксама адказвае: «Калода, пане!» — «Каб калода была, то сакера² ўрублена ў нёй была бы». Воўк, пачуўшы гэтыя словы, зачаў прасіць чалавека, каб дзе сакеру прычэпіў³, каб яна стырчала⁴. Чалавек, узіўшы сакеру, прышоў да воза дый як рубне ў галаву воўка, дак яго і забіў на смерць.

А лісіца, ўбачыўшы гэта, прыбегла да таго мужыка і кажа: «Я цябе абараніла ад воўка; прынесі ж мяне мех курей». — «Добра!» — кажа чалавек дый, ўзяўшы таго забітага воўка, пашоў дадому. Зняўшы шкуру з воўка, ўлажыў ў мяшок заместа курей двух сабак Серку і Берку і пашоў ў поле да ліскі, дзе яна яго чакала⁵. Прышоўшы туды, ён палажыў мяшок на землю і кажа да ліскі: «Ты разкарачсе добра, каб магла палавіць усе куры, а я іх выпушчу». Ліска разкарачалася, як той чалавек казаў, і чакае, паколь ён выпусціць куры. А чалавек, развязаўшы мяшок, як выпусціць сабак, а тые сабаки як зачнуць рваць ліску.

Ліска ледва вырабіласе⁶ ад сабак і прыбегла да нары і пытаецца ў сваіх вачэй: «Што вы думалі, як мяне рвалі сабакі?» — «Мы думалі, — кажуць вочі, — каб як прэндзей⁷ уцячы⁸ да норкі». — «А вы, лапкі?» — «І мы тое самое думалі». — «А ты, хвасціце-дурніце, што думаў?» — «Я думаў, каб як найпрэндзей цябе злавілі і-задушылі». — «Ах ты, хвасціце! Адам цябе сабакам!» Дый вылязла з норкі: «На, — кажа, — Серка, Берка! На хвост!» Тые сабакі парвалі ліскі хвост, дый адарвалі. Ліска бяжыць ужо са злосці⁹ да мужыка лаіць¹⁰ — на што ашукаў¹¹.

Бяжыць яна, дак бачыць¹²: аж штось гудзе¹³. Падбягае, аж дзюравы збан¹⁴ з ветрам. «Ах ты, шельма, пане збане! І ты страшыш!» — кажа лісіца, дый ўзяла зачэпіла пачапачку¹⁵ на шыю дый панясла тапіць¹⁶. Прыходзіць да рекі, усадзіла збан дый топіць. У той збан як налілося вады, дак той збан зачаў тапіцца і павалок за сабою ліску.

А той мужык гэтое усе бачыць; пашоў да рекі, выцягнуў¹⁷ ліску, здэёр¹⁸ шкуру дый прадаў.

¹ Наречие: как раз, очень (так же? *Ред.*).

² Топор (секира).

³ Прицепил.

⁴ Торчала.

⁵ Ожидала.

⁶ Отделалася.

⁷ Поскорей (*польск.*).

⁸ Утечь, убежать.

⁹ Со злости.

¹⁰ Бранить.

¹¹ Обманул.

¹² Видит.

¹³ Что-то гудит.

¹⁴ Дырявый жбан (бочонок, ведро).

¹⁵ Ч а п а т ь — братъ; следовательно: дужка или ручка, за которую поднимают жбан.

¹⁶ Топить.

¹⁷ Вытянул.

¹⁸ Содрал.

27. СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Попался было бирюк¹ в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом. Бирюк к нему: «Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонят». Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники. «Не видал ли, мужичок, бирюка?» — спрашивают они. «Нет, не видал!» — отвечает мужик. Охотники поскакали вперед и скрылись из виду. «Что, ушли мои злодеи?» — спросил бирюк. «Ушли». — «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк сказал: «А что, мужик, я тебя съем!» — «Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!» — «Старая хлеб-соль забывается», — отвечал бирюк. Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит: «Ну, коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего — съешь меня!»

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом: «Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть!» — и рассказал ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне немотогу работать — он взял да и стащил меня под яр²; уж я лезла, лезла, насилу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» — «Видишь, моя правда!» — молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это. Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать³, — он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» — «Ну, видишь, моя правда!» Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи: «А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь».

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить: «Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в таком малом мешке?» И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила

¹ Б и р ю к — волк (Ред.).

² Крутой берег, обрыв (Ред.).

³ Лаять.

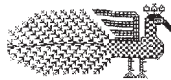
и сказала: «А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то!» Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала: «Да разве ты одну голову прятал в мешок?» Бирюк влез совсем. «Ну-ка, мужичок, — продолжала лиса, — покажи, как ты его завязывал?» Мужик завязал. «Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?» Мужик начал молотить цепом по мешку. «Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?» Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

28. ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК

У крестьянина из гурта бежала овца. Навстречу ей попала лиса и спрашивает: «Куда тебя, кумушка, Бог несет?» — «О-их, кума! Была я у мужика в гурте, да житья мне не стало: где баран сдурит, а все я, овца, виновата! Вот и вздумала уйти куды глаза глядят». — «И я тоже! — отвечала лиса. — Где муж мой курочку словит, а все я, лиса, виновата. Побежим-ка вместе». Чрез несколько времени повстречался им бирюк. «Здорово, кума!» — «Здравствуй!» — говорит лиса. «Далече ли бредешь?» Она в ответ: «Куда глаза глядят!» — да как рассказала про свое горе, бирюк молвил: «И я также! Где волчица зарежет ягненка, а все я, бирюк, виноват. Пойдемте-ка вместе».

Пошли. Дорогою бирюк и говорит овце: «А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «Взаправду, кум, твой?» — «Верно, мой!» — «Побожись?» — «Побожусь!» — «К присяге пойдешь?» — «Пойду». — «Ну, иди, целуй присягу». Тут лиса сметила, что мужики на тропинке поставили капкан; она привела бирюка к самому капкану и говорит: «Ну, вот здесь целуй!» Только что сунулся бирюк сдуру — а капкан шелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову.

29—30. ЗВЕРИ В ЯМЕ

29

Шла свинья в Питер Богу молиться. Попадается ей волк навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, Богу молиться». — «Возьми и меня». — «Пойдем, куманек!» Шли-шли, попадается лиса навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, Богу молиться». — «Возьми и меня». — «Иди, кума!» Шли они, шли, попадается им заяц: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, Богу молиться». — «Возьми и меня с собой». — «Ступай, косой!» Потом выпросилась еще белка, и вот они шли-шли... Глядь — на дороге яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала в яму, а за ней и волк, и лиса, и заяц, и белка. Долго они сидели, сильно проголодались — есть-то нечего. Лиса и придумала: «Давайте, — говорит, — тянуть: кто всех тоньше запоеет, того и скушаем». Волк затынул толстым голосом: «О-о-о!» Свинья немного помягче: «У-у-у!» Лиса и того мягче: «Э-э-э!», а заяц с белкою тонким голоском: «И-и-и!» Тотчас разорвали звери зайца да белку и съели со всеми косточками. На другой день лиса опять говорит: «Кто толще всех запоеет, того и скушаем». Волк всех толще затынул: «О-о-о!», ну, его и съели.

Лиса мясо скушала, а кишочки под себя спрятала. Дня через три сидит да ест себе кишочки; свинья и спрашивает: «Что ты, кума, кушаешь? Дай-ка мне». — «Эх, свинья! Ведь я свои кишочки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишочки и закусывай». Свинья то и сделала, разорвала свое брюхо и досталась лисе на обед. Осталась лиса одна-одинехонька в яме; вылезла ль она оттудова или и теперь там сидит, право, не ведаю.

30

Жил себе старик со старушкой, и у них только и было имения, что один боров. Пошел боров в лес желуди есть. Навстречу ему идет волк. «Боров, боров, куда ты идешь?» — «В лес, желуди есть». — «Возьми меня с собою». — «Я бы взял, — говорит, — тебя с собою, да там яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь». — «Ничего, — говорит, — перепрыгну». Вот и пошли; шли-шли по лесу и пришли к этой яме. «Ну, — говорит волк, — прыгай». Боров прыгнул — перепрыгнул. Волк прыгнул, да прямо в яму. Ну, потом боров наелся желудей и отправился домой.

На другой день опять идет боров в лес. Навстречу ему медведь. «Боров, боров, куда ты идешь?» — «В лес, желуди есть». — «Возьми, — говорит медведь, — меня с собою». — «Я бы взял тебя, да там яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь». — «Небось, — говорит, — перепрыгну».

Подошли к этой яме. Боров прыгнул — перепрыгнул; медведь прыгнул — прямо в яму угодил. Боров наелся желудей, отправился домой.

На третий день боров опять пошел в лес желуди есть. Навстречу ему косой заяц. «Здравствуй, боров!» — «Здравствуй, косой заяц!» — «Куда ты идешь?» — «В лес, желуди есть». — «Возьми меня с собою». — «Нет, косой, там яма есть широка, глубока, ты не перепрыгнешь». — «Вот не перепрыгну, как не перепрыгнуть!» Пошли и пришли к яме. Боров прыгнул — перепрыгнул. Заяц прыгнул — попал в яму. Ну, боров наелся желудей, отправился домой.

На четвертый день идет боров в лес желуди есть. Навстречу ему лисица; тоже просится, чтоб взял ее боров с собою. «Нет, — говорит боров, — там яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь». — «И-и, — говорит лисица, — перепрыгну!» Ну, и она попала в яму. Вот их набралось там в яме четверо, и стали они горевать, как им еду добывать.

Лисица и говорит: «Давайте-ка голос тянуть; кто не встанет — того и есть станем». Вот начала тянуть голос; один заяц отстал, а лисица всех перетянула. Взяли зайца, разорвали и съели. Проголодались и опять стали уговариваться голос тянуть; кто отстанет — чтоб того и есть. «Если, — говорит лисица, — я отстану, то и меня есть, все равно!» Начали тянуть; только волк отстал, не мог встать голос. Лисица с медведем взяли его, разорвали и съели.

Только лисица надула¹ медведя: дала ему немного мяса, а остальное припрятала от него, ест себе потихоньку. Вот медведь начинает опять голодать и говорит: «Кума, кума, где ты берешь себе еду?» — «Экой ты, кум! Ты возьми-ка просунь себе лапу в ребра, зацепись за ребро — так и узнаешь, как есть». Медведь так и сделал, зацепил себя лапой за ребро, да и околел. Лисица осталась одна. После этого, убрамши медведя, начала лисица голодать.

Над этой ямой стояло древо, на этом древе вил дрозд гнездо. Лисица сидела, сидела в яме, все на дрозда смотрела и говорит ему: «Дрозд, дрозд, что ты делаешь?» — «Гнездо вью». — «Для чего ты вьешь?» — «Детей выведу». — «Дрозд, накорми меня, если не накормишь — я твоих детей поем». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу ему накормить. Полетел в село, принес ей курицу. Лисица курицу убрала и говорит опять: «Дрозд, дрозд, ты меня накормил?» — «Накормил». — «Ну, напои ж меня». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу напоить. Полетел в село, принес ей воды. Напилась лисица и говорит: «Дрозд, дрозд, ты меня накормил?» — «Накормил». — «Ты меня напоил?» — «Напоил». — «Вытащи ж меня из ямы».

Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу вынимать. Вот начал он палки в яму метать; наметал так, что лисица выбралась по этим палкам на волю и возле самого древа легла — протянулась. «Ну, — говорит, — накормил ты меня, дрозд?» — «Накормил». — «Напоил ты меня?» — «Напоил». — «Вытащил ты меня из ямы?» — «Вытащил». — «Ну, рас-

¹ Обманула.

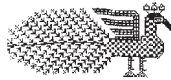
смеси ж меня теперь». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу рассмешить. «Я, — говорит он, — полечу, а ты, лиса, иди за мною». Вот хорошо — полетел дрозд в село, сел на ворота к богатому мужику, а лисица легла под воротами. Дрозд и начал кричать: «Бабка, бабка, принеси мне сала кусок! Бабка, бабка, принеси мне сала кусок!» Выскочили собаки и разорвали лисицу.

Я там была, мед-вино пила, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синий кафтан; я пошла, а вороны летят да кричат: «Синь кафтан, синь кафтан!» Я думала: «Скинь кафтан», взяла да и скинула. Дали мне красный шлык. Вороны летят да кричат: «Красный шлык, красный шлык!» Я думала, что «краденый шлык», скинула — и осталась ни с чем.

31. ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Бежала лисица по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит ему: «Терентий, Терентий! Я в городе была». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, так была». — «Терентий, Терентий! Я указ добыла». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла». — «Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а все бы гулять по зеленым лугам». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, так гулять». — «Терентий, кто там едет?» — спрашивает лисица, услышав конский топот и собачий лай. «Мужик». — «Кто за ним бежит?» — «Жеребенок». — «Как у него хвост-то?» — «Крючком». — «Ну так прощай, Терентий! Мне дома недосуг».

32. ЛИСА И ДЯТЕЛ

Жил-был дятел на дубу, свил себе гнездышко, снес три яичка и высидел три детёнка. Повадилась к нему лиса ходить; стук-стук хвостищем по сырому дубищу: «Дятел, дятел! Полевай с дубу долой. Мне дуб надо — сечихичики (?) гнуть». — «Эй, лисонька! Не дала ты мне и одного детенышка-то высидеть». — «Эй, дятел! Брось ты мне, я его выучу кузнечному». Дятел ей бросил, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

Опять идет к дятлу и стук-стук хвостищем по сырому дубищу: «Дятел, дятел! Полевай с дубу долой, мне дуб надо — сечихичики гнуть». — «Эй, лисонька! Не дала ты мне и одного детенышка-то высидеть». —

«Эй, дятел! Брось ты мне, я его выучу башмачному». Дятел ей бросил, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

Опять идет к дятлу и стук-стук хвостищем по сырому дубищу: «Дятел, дятел! Полезай с дубу долой, мне дуб надо — сечихичики гнуть». — «Эй, лисонька! Не дала ты мне и одного детенышка-то высидеть». — «Эй, дятел! Брось ты мне, я его выучу портняжному». Дятел бросил ей, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

33. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: «Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!» Идет журавль на званный пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает: «Покушай, мой голубчик-куманек! Сама стряпала». Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит: «Не бессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем». — «Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости».

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит: «Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать». Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет и этак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достанет! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел. «Ну, не бессудь, кума! Больше угощать нечем». Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось! С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

34. СНЕГУРУШКА И ЛИСА

Жил да был старик со старухой, у них была внучка Снегурушка. Собрались ее подружки идти в лес по ягоды и пришли ее звать с собой. Старики долго не соглашались, но после многих просьб отпустили Снегурушку и приказали ей не отставать от подруг.

Хотя по лесу и собирая ягоды, деревцо за деревцо, кустик за кустик, Снегурушка отстала от своих подруг. Они аукали ее, аукали, но Снегурушка не слышала. Уж стало темно, подружки пошли домой. Снегурушка, видя, что она осталась одна, влезла на дерево, стала горько плакать, припеваючи: «Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка! У дедушки, у бабушки была внучка Снегурушка; ее девки в лес заманули, заманувши покинули».

Идет медведь и спрашивает: «О чем ты, Снегурушка, плачешь?» — «Как мне, батюшка-медведюшка, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка; меня девки в лес заманули, заманувши покинули». — «Сойди, я тебя отнесу». — «Нет, я тебя боюсь, ты меня съешь!» Медведь ушел от нее. Она опять заплакала, припеваючи: «Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка!..» Идет волк, спрашивает: «О чем ты, Снегурушка, плачешь?» Она отвечает ему то же, что и медведю. «Сойди, я тебя отнесу». — «Нет, я тебя боюсь, ты меня съешь!» Волк ушел, а Снегурушка опять заплакала, причитаючи: «Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка!..»

Идет лисица, спрашивает: «Чего ты, Снегурушка, плачешь?» — «Как мне, лисонька, не плакать! Меня девки в лес заманули, заманувши покинули». — «Сойди, я тебя отнесу». Снегурушка сошла, села на спину к лисице, и та помчалась с нею; прибежала к дому и стала хвостом стучаться в калитку. «Кто там?» Лисица отвечает, что она принесла к старику и старухе их внучку Снегурушку. «Ах ты наша дорогая, такая-сякая, немазаная! Войди к нам в избу. Где нам тебя посадить и чем угостить?» Принесли молока, яиц, творогу и стали лисицу потчевать за ее услугу. А лисица просит, чтоб в награду дали ей курицу и пустили бы ее в поле. Старики простились с лисицею, посадили в один мешок курицу, а в другой собаку и понесли за нею на указанное место. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, выпустили и собаку. Увидя собаку, лисица как припустит в лес — так и ушла.

35. ЛИСА И РАК

Лиса и рак стоят вместе и говорят промеж себя. Лиса говорит раку: «Давай с тобой перегоняться». Рак: «Что ж, лиса, ну давай!»
Зачали перегоняться. Лишь лиса побегла, рак уцепился лисе за хвост. Лиса до места добегла, а рак не отцепляется. Лиса обернулась посмотреть, вернула хвостом, рак отцепился и говорит: «А я давно уж жду тебя тут».

36. КОЛОБОК¹

Жил-был старик со старухою. Просит старик: «Испеки, старуха, колобок». — «Из чего печь-то? Муки нету». — «Э-эх, старуха! По коробу² поскреби, по сусеку³ помети; авось муки и наберется».

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц: «Колобок, колобок! Я тебя съем». — «Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою», — сказал колобок и запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,⁴
Да в масле пряжон⁴.
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему волк: «Колобок, колобок! Я тебя съем!» — «Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!»

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему медведь: «Колобок, колобок! Я тебя съем». — «Где тебе, косолапому, съесть меня!»

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,

¹ Слобная, пресная лепешка.

² Ящик с замком для поклажи.

³ Засек, заком.

⁴ Жарен (*Ред.*).

Да в масле пряжон,
 На окошке стужон;
 Я у дедушки ушел,
 Я у бабушки ушел,
 Я у зайца ушел,
 Я у волка ушел,
 У тебя, медведь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медведь его и видел!..

Катится, катится колобок, а навстречу ему лиса: «Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький». А колобок запел:

Я по коробу скребен,
 По сусеку метен,
 На сметане мешон,
 Да в масле пряжон,
 На окошке стужон;
 Я у дедушки ушел,
 Я у бабушки ушел,
 Я у зайца ушел,
 Я у волка ушел,
 У медведя ушел,
 У тебя, лиса, и подавно уйду!

«Какая славная песенка! — сказала лиса. — Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разок погромче». Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню. «Спасибо, колобок! Славная песенка, еще бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок», — сказала лиса и высунула свой язык; колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса — ам его! и скушала.

37—39. КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

37

Жил-был старик, у него были кот да петух. Старик ушел в лес на работу, кот унес ему есть, а петуха оставили стеречь дом. На порогу пришла лиса.

Кикереку-петушок,
 Золотой гребешок!
 Выгляни в окошко,
 Дам тебе горошку.

Так лиса пела, сидя под окном. Петух выставил окошко, высунул голову и посмотрел: кто тут поет? Лиса схватила петуха в когти и понесла его в гости. Петух закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, в далекие страны, в чужие земли, за тридевять земель, в тридцатое царство, в тридесятое государство. Кот Котонаевич, отыми меня!» Кот в поле услышал голос петуха, бросился в погоню, достиг лису, отбил петуха и принес домой. «Мотри¹ ты, Петя-петушок, — говорит ему кот, — не выглядывай в окошко, не верь лисе; она съест тебя и косточек не оставит».

Старик опять ушел в лес на работу, а кот унес ему есть. Старик, уходя, заказывал петуху беречь дом и не выглядывать в окошко. Но лисица стерегла, ей больно хотелось скушать петушка; пришла она к избушке и запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку,
Дам и зернышков.

Петух ходил по избе да молчал. Лиса снова запела песенку и бросила в окно горошку. Петух съел горошек и говорит: «Нет, лиса, не обманешь меня! Ты хочешь меня съесть и косточек не оставишь». — «Полно ты, Петя-петушок! Стану ли я есть тебя! Мне хотелось, чтоб ты у меня погостил, моего житья-бытья посмотрел и на мое добро поглядел!» — и снова запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка!
Выгляни в окошко,
Я дала тебе горошку,
Дам и зернышков.

Петух лишь выглянул в окошко, как лиса его в когти. Петух лихим матом закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, за дремучие боры, по крутым бережкам, по высоким горам; хочет лиса меня съесть и косточек не оставит!» Кот в поле услышал, пустился в догоню, петуха отбил и домой принес: «Не говорил ли я тебе: не открывай окошка, не выглядывай в окошко, съест тебя лиса и косточек не оставит. Мотри, слушай меня! Мы завтра дальше пойдем».

Вот опять старик на работе, а кот ему хлеба унес. Лиса подкралась под окошко, ту же песенку запела; три раза пропела, а петух все молчал. Лиса говорит: «Что это, уж ныне Петя нем стал!» — «Нет, лиса, не обманешь меня, не выгляну в окошко». Лиса побросала в окошко горошку и пшенички и снова запела:

¹ Смотри.

Кикереку-петушок,
 Золотой гребешок,
 Масляна головка!
 Выгляни в окошко,
 У меня-то хоромы большие,
 В каждом углу
 Пшенички по мерочке:
 Ешь — сыт, не хочу!

Потом прибавила: «Да посмотрел бы ты, Петя, сколько у меня редкостей! Да покажись же ты, Петя! Полно, не верь коту. Если бы я съести хотела тебя, то давно бы съела; а то, вишь, я тебя люблю, хочу тебе свет показать, уму-разуму тебя наставить и научить, как нужно жить. Да покажись же ты, Петя, вот я за угол уйду!» — и к стене ближе притаилась. Петух на лавку скочил и смотрел издалека; хотелось ему узнать, ушла ли лиса. Вот он высунул головку в окошко, а лиса его в когти и была такова.

Петух ту же песню запел; но кот его не слышал. Лиса унесла петуха и за ельничком съела, только хвост да перья ветром разнесло. Кот со стариком пришли домой и петуха не нашли; сколько ни горевали, а после сказали: «Вот каково не слушаться!»

38

Жил-был кот да баран, у них был петушок.
 Вот они пошли лыки драть; пришла лиса под окошко к петушку и говорит:

Петушок, петушок,
 Золотой гребешок,
 Масляная головка!
 Вот тебе с семечком лепешка.
 У Карпова двора
 Приукатана гора.
 Стоят санки-самокатки;
 Они сами катят,
 Сами ехать хотят!

Петушок выглянул; она его унесла. Он доро́гой и кричит: «Кот да баран! Меня лиса несет за высокие горы, за темные леса». Они услышали, воротились и отняли петушка.

На другой день говорят ему: «Смотри же, если придет лиса — не выглядывай!» Лиса пришла, ту же песнь запела; петушок выглянул, она и унесла его. Кот да баран опять отняли. На третий день говорят ему: «Смотри же, не гляди в окно; мы теперь далеко уйдем, не услышим, как будешь кричать». Лиса пришла, таким сладким голосом запела, что петушок не утерпел — выглянул; она его схватила и понесла домой. Он кричал-кричал доро́гой; нет, не слышали кот да баран. Приходят они домой, нет петушка! Они сделали гусельцы-барановы струночки и пошли к лисе вырывать петушка.

У лисы было семь дочерей. Кот да баран пришли под окошко и начали играть: «Тюк-тюк, гусельцы-барановы струночки! Жила-была лиса красна во своем золотом гнезде; у нее было семь дочерей: первая дочь Чучелка, другая Подчучелка, третья Поддай-челнок, четвертая Мети-шесток, пятая Трубу-закрывай, шестая Огня-вздувай, а седьмая Пеки-пирого!» Лиса говорит: «Пооди, Чучелка, посмотри — кто такую хорошую песню поет?» Чучелка вышла, они стук ее в лобок да в коробок.

Так всех лисиних дочерей поодиночке и забрали.

Потом вышла сама лиса. Они и ее стук в лобок да в коробок; взошли в избушку, взяли петушка еще живого, воротились домой и стали жить да быть.

39

Жил кот с кочетком. Кот идет за лыками в лес и бает кочетку: «Если лиса придет звать в гости и станет кликать, не высовывай ей головочку, а то унесет тебя».

Вот пришла лиса звать в гости, стала кликать: «Кочетунюшка, кочетунюшка! Пойдем на гуменцы¹ золоты яблочки катать». Он глянул, она его и унесла. Вот он и стал кликать: «Котинька, котинька! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды». Кот услышал, пришел, избавил кочетка от лисы.

Кот опять идет за лыками и опять приказывает: «Если лиса придет звать в гости, не высовывай головку, а то опять унесет». Вот лиса пришла и по-прежнему стала кликать. Кочеток глянул, она его и унесла. Вот он и стал кричать: «Котунюшка, котунюшка! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды!» Кот услышал, прибежал, опять избавил кочетка.

Кот опять скрутился² идтить за лыками и говорит: «Ну, теперь я уйду далеко. Если лиса опять придет звать в гости, не высовывай головку, а то унесет, и не услышу, как будешь кричать». Кот ушел; лиса опять пришла и стала опять кликать по-прежнему. Кочеток глянул, лиса опять унесла его. Кочеток стал кричать; кричал-кричал — нет, не идет кот. Лиса принесла кочетка домой и крутилась уж жарить его. Тут прибежал кот, стал стучать хвостом об окно и кликать: «Лисонька! Живи хорошенько своим подворьем: один сын — Димеша, другой — Ремеша, одна дочь — Чучилка, другая — Пачучилка, третья — Подмети-шесток, четвертая — Поддай-челнок!»

К коту стали выходить лисонькины дети, один за другим; он их всех поколотил; после вышла сама лиса, он и ее убил и избавил кочетка от смерти.

Пришли оба домой, стали жить да поживать да денежки наживать.

¹ Гумно.

² Крути ть с я — собираться что-нибудь делать.

40—43. КОТ И ЛИСА

40

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шкодливый¹, что беда! Надел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает! Кот ходил-ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть — пойдет по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала». Поклонилась коту и спрашивает: «Скажись, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашел и как тебя по имени величать?» А кот вскинул шерсть свою и говорит: «Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром, а зовут меня Котофей Иванович». — «Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала; ну, пойдем же ко мне в гости». Кот пошел к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выспрашивает: «Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?» — «Холост», — говорит кот. «И я, лисица, — девица, возьми меня замуж». Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать: «Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали». — «Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — «Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена». — «Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придется!» Волк побегал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать. «Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?» — «А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, — за него и вышла». — «Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай,

¹ Шкода — убыток, вред.

приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!» Медведь потащился за быком.

Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит — и медведь лезет с быком. «Здравствуй, брат Михайло Иваныч!» — «Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?» — «Нет, брат, давно ожидаю». — «Ступай, зови». — «Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня». — «Нет, брат Левон, и я не пойду». Вдруг откуда нё взялся — бежит заяц. Медведь как крикнет на него: «Подика сюда, косой черт!» Заяц испугался, прибежал. «Ну что, косой пострел, знаешь, где живет лисица?» — «Знаю, Михайло Иванович!» — «Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком».

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит: «Я полезу на сосну». — «А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю». Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьем, а сам влез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицной норе, постучался и говорит лисе: «Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном». — «Ступай, косой! Сейчас будем».

Вот идет кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку: «Ну, брат Левон Иваныч, идет лиса с мужем; какой же он маленький!» Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!» А медведь говорит: «Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется!» Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услышал, что лист шевелится, подумал, что это — мышшь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну, — думает медведь, — увидел меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на боковую волю да как шмякнется с дерева оземь, все печенки отбил; вскочил — да бежать! А лисица вслед кричит: «Вот он вам задаст! Погодите!» С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

41

Жил старик и старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери, был только один серый кот. Он их поил-кормил, носил им кунок и белок, рябчиков, тетеревей и всяких зверьков. Сделался стар серый кот. Старуха и говорит старику: «Из чего мы, старик, кота держим? Только даром на печи место занял!» — «Да куда его девать-то?» — «Посади в котомку и отнеси в остров¹; пускай там свою жизнь решит». Старик отнес. Кот остался в острову, день голодал, другой и третий и стал плакать. Идет лиса и спросила кота: «О чем ты плачешь, Котай Иванович?» — «Ах, лиса, как мне не плакать? Жил я у старика и старухи, поил-кормил их, стал стар, они и прогнали меня». А лиса говорит: «Давай, Котай Иванович, женимся!» — «Куды мне жениться! Только бы свою голову пропитать; а у тебя, чай, детки есть, кормить-поить надо». — «Ничего, как-нибудь прокормимся». Вот и вышла лиса за Котая Иваныча.

Однажды медведь и заяц шли мимо лисицыной норы. Увидала их лиса и закричала: «Ах ты, толстопаятый медведь, и ты, косой заяц! Как была я вдовой, бывало, ни один из вас не проходил мимо моей норы, а как вышла замуж, то каждый день шляется; ишь какие дороги проторили! Смотрите, как бы вас Котай Иванович по шее не проводил!» Вот, идучи дорогой, медведь и сказал зайцу: «Чего, брат, у нее за муж такой — Котай Иванович? Ужли больше меня?» А заяц: «Ужли притче меня? Пойдем-ка завтра, посмотрим на него». Пришли на другой день к лисицыной норе и видят: кот гложет целый стяг быка, а сам мурлычет: «Мало, мало!» — «Ну, брат, — сказал медведь зайцу, — беда наша; Котай все говорит: мало, мало! Спрячемся, ты ляжь под хворост, а я взлезу на дерево». Только уселись они по своим местам, как выбежала из-под хвороста мышь. Кот увидел ее и в ту же минуту бросился за ней к хворосту. Заяц испугался, кинулся бежать; а медведь услышал тревогу, хотел повернуться, да со страстей упал с дерева и убилися до смерти. Лиса с котом и донине поживают да медведя поедают.

42

В некотором царстве, в некотором государстве жил в дремучих лесах могучий кот. Медведь, волк, олень, лиса и заяц собрались совет держать, как бы могучего, сильного кота к себе на пир позвать. Наготовили всякого добра и стали думать: кому идти за котом. «Ну, ступай ты, медведь!» Медведь начал отговариваться: «Я мохнат и косолап, куда мне! Пускай волк пойдет». А волк говорит: «Я неповоротлив, он меня не послушает; лучше пусть олень идет!» Олень тоже отказывается: «Я пуглив-боязлив, не сумею ответ держать; кот, пожалуй, за

¹ Огьемный лес, удобный по своему положению для охотников.

то меня смерти предаст. Иди ты, шустрая, — говорит лисе, — ты и собой хороша и оборотлива». — «У меня хвост длинен, не смогу скоро бежать; пускай идет заяц!» — отвечает лиса.

Тут все стали складывать на зайца: «Ступай, косой! Не бойся. Ты поворотлив и на ногу скор; коли он на тебя вскинется, ты сейчас от него уйдешь». Заяц — делать нечего — побежал к коту; прибежал, поклонился пониже ног котовых и стал звать его на пир, на беседу. Исправил все по наказу и пустился назад бежать, сколько сил хватает. Явился к своим товарищам и говорит: «Ну, набрался страху! Сам-то кот бурый, шерсть на нем стоит дыбом, а хвост так по земле и волочится!» Тут звери стали прятаться кто куда: медведь взобрался на дерево, волк залез в кусты, лиса зарылась в землю, а олень с зайцем совсем ушли... (Окончание — то же, что и в предшествующей сказке.)

43

Лиса вышла замуж за Котонайла Иваныча. Раз побежала она припасти мужу обед; бегала, бегала и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей лесной кабан. «Стой, лиса! — говорит. — Отдай утку». — «Нет, не дам». — «Ну, я сам отниму». — «А я скажу Котонайлу Иванычу; он тебя смерти предаст!» — «Что такой за зверь?» — думает кабан и пошел своей дорогой. Лиса побежала; вдруг повстречался ей медведь: «Куда, лиса, бежишь, кому утку несешь? Отдай ее мне». — «Ступай-ка подобра, а то скажу Котонайлу Иванычу; он тебя смерти предаст!» Медведь побоялся и пошел своей дорогой. Лиса дальше бежит, попадаетеся ей волк. «Отдавай, — говорит, — утку!» — «Как же не так! Я вот скажу Котонайлу Иванычу, он тебя самого съест!» Волк оробел и пошел своей дорогой; а лиса побежала домой.

Вот кабан, медведь и волк сошлись вместе и стали думать да гадать, что за зверь такой Котонайло Иваныч: наперед того его не видывали, и в лесах его не бывало! Положили: сделать большой пир и позвать к себе Котонайла Иваныча в гости. Изготовились. «Ну, — говорят, — кому же идти за Котонайлом?» — и присудили идти волку. Волк собрался и побежал к лисицыной норе. Прибежал. А кот выглядывает из норы, усы повисли, а глаза так и светятся. Затрясся волк со страху, отдал коту низкий поклон, поздравил его с молодой женою и стал просить в гости. Кот сидит да мурчит. «У, какой сердитый!» — думает волк и не знает, как уйти... Воротился и сказал кабану и медведю: «Ну да и страшный же Котонайло Иваныч! Глаза так и горят! Только посмотрел на меня — и то дрожь проняла...» Вот оробели они и стали прятаться: медведь взлез на дерево, кабан затесался в болото, а волк закопался в стог сена...

44—47. НАПУГАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ

44

Жил себе старик да старуха, у них был кот да баран. Старуха укол копит¹, а кот проказит. «Старик, — говорит старуха, — у нас на погребѣ нездорово». — «Надо поглядеть, — говорит ей старик, — не со стороны ли кто блудит²». Вот пошла старуха на погреб и усмотрела: кот сдвинул лапкой с горшка покрывку и слизывает себе сметанку; выгнала кота из погреба и пошла в избу, а кот наперед прибежал и запрятался на печи в углу. «Хозяин! — сказывает старуха. — Вот мы не верили, что кот блудит, а он самый и есть; давай его убьем!»

Кот услышал эти речи, как бросится с печки да бегом к барану в хлев и начал его обманывать: «Брате баран! Меня хотят завтра убить, тебя зарезать». И сговорились они оба бежать ночью от хозяина. «Как же быть? — спрашивает баран. — Рад бы я с тобой лыжи наострить, да ведь хлев-то заперт!» — «Ничего!» Кот тотчас взобрался на дверь, скинул лапкой веревочку с гвоздя и выпустил барана.

Вот и пошли они путем-дорогою, нашли волчью голову и взяли с собой; шли-шли, увидели: далеко в лесу светится огонек, они и пустились прямо на огонь. Подходят, а вокруг огня греются двенадцать волков. «Бог помочь вам, волкам!» — «Добро жаловать, кот да баран!» — «Брате, — спрашивает баран у кота, — что нам вечерять³ будет?» — «А двенадцать-то волчьих голов! Поди выбери, которая пожирнее». Баран пошел в кусты, поднял повыше волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашивает: «Эта ли, брате кот?» — «Нет, не эта, выбери получше». Баран опять поднял ту же голову и опять спрашивает: «Эта ли?»

Волки так напугались, что рады бы убежать, да без спросу не смеют. Четверо волков и стали проситься у кота и барана: «Пустите нас за дровами! Мы вам принесем». И ушли. Остальные восемь волков еще пуще стали бояться кота да барана: коли двенадцать смогли поесть, а осемь-рых и подавно поедят. Стало еще четверо проситься за водою. Кот отпустил: «Ступайте, да скорее ворочайтесь!» Последние четыре волка отправились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Кот отпустил, еще строже наказал поскорее приходить назад; а сам с бараном рад, что они ушли-то.

Волки собрались вместе и пустились дальше в лес. Попадается им медведь Михайло Иванович. «Слыхал ли ты, Михайло Иванович, — спрашивают волки, — чтобы кот да баран съели по двенадцати волков?» — «Нет, ребяташки, не слыхивал». — «А мы сами видели этого кота да барана». — «Как бы, ребяташки, и мне посмотреть, какова их

¹ Собирает сметану и сливки на масло.

² Проказничает.

³ Ужинать.

храбрость?» — «Эх, Михайло Иваныч, ведь больно кот-от ретив, нельзя к нему поддобрехотиться: того и гляди, что в клочки изорвет! Даром что мы прытки над собаками и зайцами, а тут ничего не возьмешь. Позовем-ка лучше их на обед».

Стали посылать лисицу: «Ступай, позови кота да барана». Лисица начала отговариваться: «Я хоть и прытка, да неувертлива; как бы они меня не съели!» — «Ступай!..» Делать нечего, побежала лисица за котом и бараном. Воротилась назад и рассказывает: «Обещались быть; ах, Михайло Иванович, какой кот-то сердитый! Сидит на пне да ломает его когтями: это на нас точит он свои ножи! А глаза так и выпучил!..» Медведь струхнул, сейчас посадил одного волка в сторожа на высокий пенек, дал ему в лапы утирку¹ и наказал: «Коли увидишь кота с бараном, махай утиркою: мы пойдем — их повстречаем». Стали готовить обед; четыре волка притащили четыре коровы, а в повара медведь посадил сурка.

Вот идут в гости кот да баран; завидели караульного, смекнули дело и стакнулись меж собою. «Я, — говорит кот, — подползу тихонько по траве и сяду у самого пня супротив волчьей рожи, а ты, брат баран, разбежись и что есть силы ударь его лбом!» Баран разбежался, ударил со всей мочи и сшиб волка, а кот бросился ему прямо в морду, вцепился когтями и исцарапал до крови. Медведь и волки, как увидели то, зачали меж собою растабаривать²: «Ну, ребяташки, вот какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувечить с какого высокого пня, а нам где уж на земле устоять! Им, знать, наше готовление-то нипочем; они придут не угощаться, а нас пятнать. А, братцы, не лучше ли нам схорониться?»

Волки все разбежались по лесу, медведь вскарабкался на сосну, сурок спрятался в нору, а лиса забила под колодину. Кот с бараном принялись за наготовленные кушанья. Кот ест, а сам мурлычет: «Мало, мало!», обернулся как-то назад, увидел, что из норы торчит сурков хвост, испугался да как прыснет на сосну. Медведь устрасался³ кота, да напрямик с сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавил лисы под колодиной. Побежал медведь, побежала лиса. «Знать ты, куманек, ушибся?» — спрашивает лисица. «Нет, кумушка, если б я не спрыгнул, — кот бы давно меня съел!»

45

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клочок — и тот пополам, а коли вилы в бок — так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник, за каждый час на промысле, и где плохо лежит — тут у него и брюхо болит.

¹ Полотенце.

² Разговаривать.

³ Устрасился.

Вот однажды лежат себе козел да баран и разговаривают промеж себя; где ни взялся котишко-мурлышко, серый лобишко, идет да таково жалостно плачет. Козел да баран и спрашивают: «Кот-коток, серенький лобок! О чем ты, ходя, плачешь, на трех ногах скачешь?» — «Как мне не плакать? Била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала». — «А за какую вину такая тебе гибель?» — «Эх, за то гибель была, что себя не опознал да сметанку слизал». И опять заплакал кот-мурлыко. «Кот-коток, серый лобок! О чем же ты еще плачешь?» — «Как не плакать? Баба меня била да приговаривала: ко мне придет зять, где будет сметаны взять? За неволю придется колоть козла да барана!»

Заревели козел и баран: «Ах ты серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!» Тут мурлыко вину свою приносил и прощенья просил. Они простили его и стали втроем думу думать: как быть и что делать? «А что, середний брат баранко, — спросил мурлыко, — крепок ли у тебя лоб: попробуй-ка о ворота». Баран с разбегу стукнулся о ворота лбом: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старший брат мрасище¹-козлище, разбежался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот серый лоб. Устал он и возмолился названным братьям: «Ни то старший брат, ни то средний брат! Не оставьте меньшого братишку на съеденье зверям». Взял козел, посадил его на себя, и понеслись они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам. Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище, станово становище; под тем крутищем скошенное поле, на том поле стога́ что города стоят. Остановились козел, баран и кот отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. «Где огня добыть?» — думают козел да баран; а мурлышко уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с баранком стукнуться лбами. Стукнулись козел с бараном, да таково крепко, что искры из глаз посыпались; берестечко так и зарыдало². «Ладно, — молвил серый кот, — теперь обогреемся», — да за словом и затопил стог сена.

Не успели они путем обогреться, глядь — жалует незванный гость мужик-серячок Михайло Иванович. «Пустите, — говорит, — обогреться да отдохнуть; что-то неможется». — «Добро жаловать, мужик-серячок муравейничек³! Откуда, брат, идешь?» — «Ходил на пасеку да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе лечиться». Стали вчетвером темну ночь делить: медведь под стогом, мурлыко на стогу, а козел с бараном у теплыны⁴. Идут семь волков серых, восьмой белый, и

¹ М р а с ь — негодяй.

² Вспыхнуло, затрещало.

³ Мелкой породы медведь который любит разгребать муравьиные кучи и лакомиться муравьиными яйцами («Русск. вестн.», 1857, XII, 463).

⁴ Огня.

прямо к стогу. «Фу-фу, — говорит белый волк, — нерусским духом пахнет. Какой-такой народ здесь? Давайте силу пытаться!»

Заблеяли козел и баран со страстей¹, а мурлышко такую речь повел: «Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшего; он, помилуй Бог, сердит! — как расходится, никому несдобровать. Аль не видите у него бороды: в ней-то и сила, бородою он зверей побивает, а рогами только кожу сымает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть с твоим меньшим братишком, что под стогом-та лежит». Волки на том козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вот он крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку; запели они Лазаря, выбрались кое-как, да, поджав хвосты, — подавай бог ноги!

А козел да баран тем времечком подхватили мурлыку и побежали в лес и опять наткнулись на серых волков. Кот вскарабкался на самую макушку ели, а козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли. Волки стоят под елью, зубы оскалили и воют, глядя на козла и барана. Видит кот серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать: «Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двух волков съел, и с косточками, так еще сытехонек; а ты, большой братим, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!» Только сказал он эти речи, как козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричит: «Держи его, лови его!» Тут на волков такой страх нашел, что со всех ног припустили бежать без оглядки. Так и ушли.

46

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужичок, у него были козел да баран. Поленился мужик накопить сена; пришла зима, нечего есть козлу и барану, стали они на весь двор реветь, а мужик схватил кнут и ну колотить их. Вот козел и сказал барану: «Давай, брат, уйдем в лес; найдем стог сена и станем жить». — «Пойдем, брат Козьма Микитич! Хуже не будет».

Козел стащил у хозяина ружье, а баран куль, и пошли вдвоем; идут путем-дорогою и нашли старую волчью голову. «Брат баран! — сказал тут козел. — Возьми эту голову и положи в куль». — «На черта она нам? И так тяжело идти!» — «Возьми! Придем на место, сварим себе студень». Баран поднял волчью голову, положил в куль и понес. Шли они, шли и, наконец, пришли в лес. «Я совсем иззяб», — сказал баран. А козел увидал, что в стороне огонь светится, и говорит: «Вон где-то огонь горит; пойдем туда!» Пошли на огонь и прямехонько-таки наткнулись на волков; сидят кругом огня да греются.

¹ Со страху.

Баран напугался, еле душа в теле держится. А козел говорит ему: «Не робей, баран!», а сам подошел к волкам: «Здорово, ребята!» — «Здравствуй, Козьма Микитич!» Вот, думают волки, славная будет пожива: козел да баран сами пришли, сами в рот просятся. Только козел себе на уме. «Ну-ка, брат баран! Давай, — говорит, — сюда волчью голову; сварим да сделаем студень. Да смотри выбирай, чтоб был старый волк!» Баран вынул из куля волчью голову и несет козлу. «Не та! — говорит козел. — Там, в кулю, есть другая голова, с самого старого волка, — ту и притащи».

Баран стал копаться в своем куле, копался, копался и несет опять ту же голову. «Ах ты, дурак, — закричал козел и ногами затопал, — не та!.. Посмотри, на самом исподе лежит». Баран опять копался-копался и несет ту же самую голову. «Ну, вот теперь так! — сказал козел. — Эту самую голову мне и надобно». А волки поглядывают да раздумывают: «Ишь сколько наколотил нашей братии! Одних голов целый куль». — «Нет ли у вас, братцы, — спрашивает козел, — в чем нам ужин изготовить?» Тут волки повскакали и побежали кто за дровами, кто за водою, кто за посуду, а у самих на уме — как бы уйти подобру-поздорову.

Бегут, а навстречу им медведь. «Куда вы, серые волки?» — «Ах, Михайло Иванович! Ты не знаешь нашего горя: пришли к нам козел да баран, принесли с собой целый куль волчьих голов, хотят студень варить; мы убоялись, чтоб они и до нас-то не добрались, и убежали». — «Ах вы, дурачье! — сказал медведь. — Козел да баран сами к вам пришли, только бери да кушай; а вы убоялись! Пойдемте-ка со мною». — «Пойдем!»

Козел и баран увидали, что волки назад идут, засуетились, забегали. Козел взобрался на дерево, изловчился и уселся, а баран лез, лез, никак не может высоко подняться, ухватился кое-как за сук передними ногами и повис на нем. Вот пришел и медведь с волками, смотрит: куда бы девались козел да баран? Нигде не видать. «Ну, братцы, — сказал медведь волкам, — собирайте желудей, стану ворожить: куда запропастился козел с бараном?» Волки набрали желудей; а медведь сел под дерево, стал выкидывать желудями и ворожить, как бабы на бобах гадают.

Баран говорит козлу: «Ах, козел, упаду; мочи нет — ногом больно!» — «Держись, — отвечает козел, — а то ни за грош пропадем; они заедят нас!» Баран крепился-крепился, да как повалится наземь! Козел видит беду неминуемую, выстрелил в ту ж минуту из ружья и закричал во всю глотку: «Хватай ворожею-то, держи его!» Медведь испугался, как бросится бежать без оглядки, а волки за ним. Так все и разбежались. Тогда козел слез с дерева и не захотел оставаться в лесу. Воротился он вместе с бараном домой, и стали себе жить-поживать да лиха избывать.

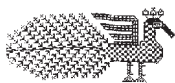
Жили старик да старуха, у них были баран да козел, только такие блудливые: совсем от стада отбились, бегают себе по сторонам — ищи где хочешь. «Знаешь что, старуха, — говорит ста-

рик, — давай заколем козла и барана, а то они с жиру бесятся! Пожалуй, туда забегут, что и не найдешь; все равно пропадут даром». — «Ну что ж? заколем». А баран с козлом стояли под окошком, подслушали эти речи и убежали в густой-густой лес. Прибежали и говорят: «Надо развести теперь огонь, а то холодно будет; вишь какая роса холодная». Стали они таскать хворосту; набрали целую кучу. Надо огню добыть.

Недалеко мужики жгли уголья. Вот козел с бараном утащили у них головешку, развели огонь и сели греться. Вдруг прибежали три медведя и уселись около костра. Что делать! Козел стал спрашивать: «Что, баран, есть хочешь?» — «Хочу». — «А что, ружье у тебя заряжено?» — «Заряжено». — «А топор востёр?» — «Востёр». — «Ну поди, добывай на ужин». — «Нет, брат козел, я сейчас только пришел; не пойду». — «Неужто ж нам голодным спать? Ступай убей вот этого медведя; мы их не звали, они сами к нам пришли! Зажарим да поужинаем».

Медведь оробел и говорит: «Ах, братцы — козел и баран! Где станете меня жарить? Вишь у вас какой малый огонь! Пустите меня, я наломаю вам дров, разведу побольше костер, тогда убейте меня и жарьте». — «Хорошо, ступай за дровами». Медведь вскочил и давай бог ноги. «Кто себе враг! — думает он про себя. — Ни за что не ворочусь назад». Другой медведь видит, что посланный за дровами не ворочается, и взяло его раздумье: пожалуй, они за меня теперь примутся. «Пойду, — говорит, — помогу тому медведю, верно он так много наломал, что и притащить не в силу». — «Ну ступай, помоги». Вот и другой медведь убежал; остался еще один. Козел обождал немножко и говорит: «Ну, брат медведь, приходится тебя бить. Сам видишь, очередные-то ушли!» — «Ах, братцы, на чем же станете меня жарить? Огню-то вовсе нет. Лучше пойду я да погоню очередных назад». — «Да и ты, пожалуй, не воротись?» — «Ну, право, ворочусь, да и тех с собой приведу!» — «Ступай, да поскорей приходи; не умирать же нам с голоду. Коли сам за вами пойду — всем худо будет».

И последний медведь со всех ног пустился бежать и убежал далеко-далеко. «Славно, брат, надули! — говорит козел. — Только, вишь, здесь надо каждого шороху бояться. Пойдем-ка домой, заодно пропадать, а может, старик-то и сжалится». Вот и воротились домой. Старик обрадовался: «Накорми-ка их!» — говорит старухе. Козел и баран зачали ласкаться; старухе жалко их стало. Она и говорит старику: «Неужто нам есть нечего! Не станем колоть козла и барана, пусть еще поживут!» — «Ну, ладно!» — сказал мужик. Стали они жить себе, поживать да добра наживать; а козел с бараном баловство свое совсем оставили, сделались смиренными да послушными.

48. МЕДВЕДЬ, ЛИСА, СЛЕПЕНЬ И МУЖИК

Жил-был мужик, у него была пегая лошадь. Мужик запряг ее в телегу и поехал в лес за дровами. Только приехал в лес, а навстречу ему идет большой медведь. Поздоровался с мужиком и спрашивает: «Скажи, мужичок, кто твою лошадку пежил? Ишь какая рябенькая да славная!» — «Эх, брат Мишка! — говорит мужик. — Я сам ее выпестрил». — «Да разве ты умеешь пежить?» — «Кто? Я-то? Да еще какой мастак! Коли хочешь, я, пожалуй, сделаю тебя пестрее моей лошади». Медведь обрадовался: «Сделай милость, пожалуйста! Я тебе за работу целый улей притащу». — «Ну что ж! Хорошо. Только надо тебя, старого черта, связать веревками; а то тебе не улежать, как стану пежить».

Медведь согласился. «Погоди, — думает мужик, — я тебя спеленаю!» Взял вожжи и веревки и так скрутил, опутал медведя, что тот зачал реветь на весь лес, а мужик ему: «Постой, брат Мишка! Не шевелись, пора пежить». — «Развяжи, мужичок! — просится медведь. — Я уже не хочу быть пегим; пожалуйста, отпусти!» — «Нет, старый черт! Сам напросился, так тому и быть». Нарубил мужик дров, наклак целый ворох и развел огонь жарко-жарко, да взял топор и положил его прямо на огонь.

Как накалился топор докрасна, мужик вытащил его и давай пежить медведя; только заверещало². Медведь заревел что есть мочи, понатужился, перервал все веревки и вожжи и ударился бежать по лесу без оглядки — только лес трещит. Рыскал, рыскал медведь по лесу, из силы выбился, хочет лечь — нельзя; все брюхо и бока выжжены; как заревет, заревет: «Ну, только попадись мне мужик в лапы, уж будет меня помнить!»

На другой день мужикова жена пошла в поле рожь жать и взяла с собою краюшку хлеба да кувшин молока. Пришла на свою полосу, поставила к сторонке кувшин с молоком и стала жать. А мужик думает: «Дай проведу жену». Запряг лошадь, подъезжает к своей полосе и видит, что во ржи бродит лиса. Подобралась плутовка к кувшину с молоком, кое-как всунула в него свою голову, да назад-то уж никак ее и не вытащит; ходит по жниве да головою мотает и говорит: «Ну, кувшин, пошутит, да и будет!.. Ну, полно же баловать: отпусти меня!.. Кувшинушко! Голубчик! Полно тебе дурачиться, поиграл, да и довольно!..» А сама все головою мотает. Вот покудова лиса уговаривалась с кувшином, мужик достал полено, подошел да как урежет ее по ногам. Лиса бросилась вдруг в сторону, да головой прямо об камень, и кувшин в мелкие черепки разбила. Видит, что за ней гонится мужик с поленом, лиса как прибавит рыси, — даром что на трех ногах, а не догонишь и с собаками, — и скрылась в лесу.

¹ Сделал пегою.

² Верещать — трещать, шипеть как масло или вода на огне.

Воротился мужик и стал накладывать на телегу снопы. Откуда нё взялся слепень, сел ему на шею и больно его укусил. Мужик хватился за шею и поймал слепня. «Ну, — говорит, — что с тобой мне делать? Да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить!». Взял мужик соломинку и воткнул ее слепню в зад. «Лети теперь как знаешь!» Бедный слепень полетел и соломинку за собой потащил. «Ну, — думает себе, — попался я в руки! Еще отроду этакой ноши я не таскивал, как теперь!»

Вот летел он, летел, прилетел в лес и совсем уж из сил выбился. Захотел сесть на дерево отдохнуть, думал повыше подняться, а соломинка тянет его книзу. Бился-бился, насилиу кое-как присел, запыхался и так тяжело начал дышать, что даже дерево зашаталось. А под этим деревом лежал тот самый медведь, которого мужик пестрил. Медведь испугался: отчего так шибко зашаталось дерево? Глянул вверх, а на дереве сидит слепень. Он и закричал ему: «Эй, брат! Родня! Слезай, пожалуйста, долой, а то, пожалуй, ведь ты и дерево повалишь».

Слепень послушался и слетел вниз. Медведь посмотрел на него и спрашивает: «Кто, брат, тебе такую соломинку в зад забил?» А слепень посмотрел на медведя и сам спрашивает: «А тебя, брат, кто изуродовал? Вишь, у тебя где шерсть, а в другом месте и кости видать». — «Ну, брат слепень, это меня мужик обработал». — «Ну, брат медведь, и мне от мужика досталось».

Смотрят они: лиса на трех ногах скачет. «Кто тебе ногу-то сломал?» — спрашивает медведь. «Ах, куманек! И сама хорошенько не видала, а некому кроме мужика; он за мной с поленом гнался». — «Братцы, пойдемте все трое губить мужика!» Тотчас все трое собрались и пошли на поле, где мужик убирал снопы. Вот стали они подходить; мужик увидал, испугался и не знает, что ему делать...

49—50. ВОЛК

49

Жил старик со старухой; у них было пять овец, шестой жеребец, седьмая телка. Пришел к ним волк и стал петь песню:

Жил жилец,
На кустике дворец;
У него пять овец,
Шестой жеребец,
Седьмая телка.

Старуха и говорит старику: «Ох, какая песня-то славная! Старик, дай ему овечку». Старик дал ему, волк съел и опять пришел с этой же песнию, и ходил с нею до тех пор, пока не поел овец, жеребца, телку и старуху. Остался один старик; волк пришел и к нему с этой песнию. Старик взял кочергу и ну ею возить¹ волка. Волк убежал и с тех пор к старику ни ногой; а старик остался, горемычный, один горе мыкать.

50

Жил-был старик да старушка, у них была кошечка-судомочка, собачка-пустолаечка, свечка да коровушка. Дознался волк, что у старика много скотины; пошел просить себе. Пришел и говорит: «Отдавай старуху!» Старику жаль отдать старушку; отдал вместо ее кошечку-судомочку. Волку этого мало; съел и опять пришел к старику: «Подавай старуху!» Старику жаль отдавать старушку; отдал за нее собачку-пустолаечку. Съел волк и опять идет за старухою. Старик не дает старушки; отдал за нее овечку, а потом и коровушку. А старушку себе оставил; и стали они вдвоем жить да быть, и теперь живут, хлеб жуют.

51—52. СВИНЬЯ И ВОЛК

51

Жил-был старик и при нем старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери; было скота только одна свинья вострорылая. И повадилась та свинья ходить со двора в задние ворота. Черт ее понес, да в чужую полосу — в овес.

Прибежал туда волк, да и приумолк: схватил он свинку за щетинки, уволок ее за тынинки и изорвал. Тем сказка и кончилась.

52

Была старая свинья, не ходила никуда днем со двора; ночь пришла — свинья со двора сошла. Хозяйскую полосу миновала, в соседскую попадала; цветочки срывала, соломку бросала. Откуль взялся старый старичище, серый волчище, поднял хвостище, свинье

¹ Т. е. бить.

челом отдал: «Здравствуй, милая жена, супоросная свинья! Зачем шляешься и скитаешься? Здесь волк поедает овец». Приходит свинье конец. «Не ешь меня, волчинька, не ешь меня, серенький! Я тебе приведу стадо поросят». — «Не хочу мяса иного, хочу мяса свиного». Взял волк свинку за белую спинку, за черную щетинку; понес волк свинку за пень, за колоду, за белую березу, стал свинные косточки глотать, свиных родителей поминать.

53—54. ВОЛК И КОЗА

53

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму; как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоет: «Козлятушки, детятушки! Отопритесь, отворитесь! А я, коза, в бору была; ела траву шелковую, пила воду студеную. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!» Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутса крепко-накрепко.

Волк все это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом: «Вы, детушки, вы, батюшки, отопритесь, отворитесь! Ваша мать пришла, молока принесла, полны копытца водицы!» А козлятки отвечают: «Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском и не так причитает». Волк ушел и спрятался. Вот приходит коза и стучится: «Козлятушки, детятушки! Отопритесь, отворитесь! А я, коза, в бору была; ела траву шелковую, пила воду студеную. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!»

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним биярюк и хотел их поестъ. Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придет кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберет всего, что она им причитывает, — того ни за что не впускать в двери. Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском: «Козлятушки, детятушки! Отопритесь, отворитесь! А я, коза, в бору была; ела траву шелковую, пила воду студеную. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!» Козлятки отперли

двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козленочек ссорился, в печь улез.

Приходит коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что все отворено; в избу — а там все пусто; заглянула в печь и нашла одного детища. Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать: «Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпирались-отворялися, злomu волку доставалися? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал». Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе: «Ах ты, кума, кума! Что ты на меня гресишь? Неужли-таки я сделаю это! Пойдем в лес погуляем». — «Нет, кум, не до гулянья». — «Пойдем!» — уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно-таки огня. Коза говорит волку: «Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?» Стали прыгать. Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

54

Где-то когда-то шла брюхатая коза. Подошла она к яблоне и говорит: «Яблонь, яблонь! Пусти меня окотиться¹ под себя». Яблонь не пустила, сказала: «Яблочко отпадет, козленка ушибет; тебе ж невыгодно будет». Коза подошла к орешне, чтоб она пустила ее окотиться; и орешня не пустила, сказала: «Орех упадет, козленка ушибет». Нечего делать — коза пошла как не солоно щи хлебала. Вот шла, шла она и видит — стоит избушка, к лесу передом, а к ней задом. Тут коза сказала: «Избушка, избушка! Обратись ко мне передом, а к лесу задом; я войду в тебя». Избушка обратилась, и коза вошла в нее котиться, и окотилась. Тут коза расположилась как дома; начала нередко оставлять своих козляточек в этой избушке под запором, а сама ходить в лес — траву есть.

Вот однажды — только коза ушла от козляточков — приходит к дверям избушки бирюк² и кричит толстым голосом: «Козлятушки, ребятушки! Отопритесь, отомкнитеся! Я — ваша мать пришла, молока принесла; бежит молоко по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки узнали, что голос не их матери, и не отперли двери. «У нашей маменьки, — говорят они, — не такой голос; у ней голосок тонкий и нежный». Скоро после того, как ушел бирюк, приходит к двери их мать и кричит: «Ой, детушки, отопритесь, отомкнитеся! Я — ваша мать пришла, молока принесла³; я на бору была, скорваду⁴ глода-

¹ Разрешиться от бремени.

² Волк.

³ Прибавляют еще: «творогу-то на рогу, а сметанки на боку»; «молока полны бока».

⁴ С к о р в а д а — дикий лук.

ла; молочко течет по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки отперли ей и начали пить молочко.

Между тем бирюк пришел к кузнецу и говорит ему: «Кузнец, кузнец! Сделай мне тоненький язычок». Кузнец сделал ему. Вот как наелись, напились козлятки, коза опять в лес ушла, строго приказав деткам никого не пускать к себе. Только коза ушла, приходит к дверям прежний бирюк и начал кричать голосом, похожим на голос их матери: «Ох, детушки, отопритесь, отомкнитеся! Я — ваша мать пришла, молока принесла; бежит молочко по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки не разгадали голоса и отперли бирюку. Бирюк почти всех их поел (только один маленький козленчик спрятался под печь), поел, оставил одну шерстку да косточки и ушел в лес.

Пришла коза, кричит у двери, и козленчик отпер ей. Тут она собрала шерстку, иссушила на печи и смолола, как муку: через день затеяла блины и вздумала позвать к себе в гости бирюка, а бирюка она видывала у своей кумушки — лисы. Затеяв блины, коза приходит к куме и просит ее к себе в гости с тем бирюком. Лиса дала верное ей слово, и коза воротилась домой. Вот поутру рано, еще часов в пять, приходит к козе лиса с бирюком, а этот бирюк такой гладыш¹ стал, что коза и не узнала его. Сели они за стол; коза подала им тарелки, ножи и вилки, масло и сливки, и стали есть блины. Между тем коза полезла в подпол за сметаною, а у самой не то на уме; взяла с собою туда жару² и развела огонь, а около огня натыкала много железных тычек³.

Только гости покушали блинов, коза и говорит им: не угодно ли будет им поиграть в ее любимую игру. Они согласились. Коза тотчас вынула одну доску из пола и, не приказывая им подходить близко, говорит: «Вот моя игра — прыгать через эту дыру скоро и без отдышки». Лиса с козою тут же перепрыгнули; за ними срягается⁴ прыгать толстый бирюк. Лишь только прыгнул, зацепил ногою за половицу и упал в дыру, а там на железные тычки и огонь. Коза с лисою прикрыли его доскою, и бирюк сгорел. Тут коза с кумою лисою сделали чудесный помин по бирюке: наелись, напились, вышли на двор; коза проводила куму, а сама с своим козленком стала жить да поживать и молочко для козленка добывать.

¹ Гладкий, жирный тучный.

² Ж а р — горячие уголья.

³ Гвоздей.

⁴ Готовится.

55—56. ВОЛК-ДУРЕНЬ

55

Водной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолоду сторожила она весь дом, а как пришла тяжелая старость — и брехать¹ перестала. Надоела она хозяину; вот он собрался, взял веревку, зацепил собаку за шею и повел ее в лес; привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пес в лесу и начал плакать и проклинать свою долю. Вдруг идет из-за кустов большущий волк, увидел его и говорит: «Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому; а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за все отплачу!» — «А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать?» — «Да немного: съем тебя со всей шкурой и с костями». — «Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; таки после вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачем тебе понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно».

Волк послушал кобеля, пошел и притащил ему половину кобылы: «Вот тебе и говядинка! Смотри поправляйся». Сказал и ушел. Собака стала прибирать мясо и все поела. Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю: «Ну, брат, поправился али нет?» — «Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!» Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лег в лощине и стал караулить, когда погонит пастух свое стадо. Вот пастух и гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на нее: ухватил за шиворот и потащил к собаке. «Вот тебе овца, поправляйся!»

Стала собака поправляться, съела овцу и почувала в себе силу. Пришел волк и спрашивает: «Ну что, брат, каков теперь?» — «Еще немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!» Волк добыл и кабана, принес и говорит: «Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости». — «Ну ладно, — думает собака, — я с тобою поправлюсь». Через два дня идет волк к откормленному псу, а пес завидел и стал на него брехать. «Ах ты, мерзкий кобель, — сказал серый волк, — смеешь ты меня бранить?» — и тут же бросился на собаку и хотел ее разорвать. Но собака собралась уже с силами, стала с

¹ Лаять.

волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только космы летят. Волк вырвался, да бежать скорее: отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай — опять припустил. Прибежал в лес, лег под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки. «Ишь как обманул мерзкий кобель! — говорит волк сам с собою. — Постой же, теперь кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!»

Зализал волк раны и пошел за добычей. Смотрит, на горе стоит большой козел; он к нему, и говорит: «Козел, а козел! Я пришел тебя съесть». — «Ах ты, серый волк! Для чего станешь ты понапрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть; я разбежусь да таки прямо к тебе в рот, ты меня и проглотишь!» Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козел себе на уме, полетел с горы как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился. А козел и был таков! Часа через три очнулся волк, голову так и ломит ему от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Думал-думал, гадал-гадал. «Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!»

Сказал волк и пустился к деревне, увидел свинью с поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не дает. «Ах ты, свиная харя! — говорит ей волк. — Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву и твоих поросят за один раз проглочу». А свинья отвечала: «Ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!» — «Как так?» — «А вот как! Сам ты, серый, посуды: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить». Волк согласился.

Вот хорошо, пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку: «Ты, любезный кум, становись по ту сторону заставки, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать». Волк обрадовался, думает: вот когда попадет в зубы добыча-то! Пошел серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть. А свинья с поросятами отправилась домой: пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

Узнал серый волк лукавство свиньи, насилу кое-как выбрался на берег и пошел с голодным брюхом рыскать по лесу. Долго издыхал он с голоду, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна какая-то падла. «Хорошо, — думает, — вот придет ночь, наемся хоть этой падлы». Нашло на волка неурожайное время, рад и падлюю поживиться! Все лучше, чем с голоду зубами пощелкивать да по-волчьи песенки распевать. Пришла ночь; волк пустился к гумну и стал уписывать падлу. Но охотник уж давно его поджидал и приготовил для приятеля пару хороших орехов¹; ударил он из ружья, и серый волк покатился с разбитой головою. Так и скончал свою жизнь серый волк!

¹ То есть пудль.

Дело было в старину, когда еще Христос ходил по земле вместе с апостолами. Раз идут они дорогою, идут широкою; попадаетесь навстречу волк и говорит: «Господи! Мне есть хочется!» — «Пооди, — сказал ему Христос, — съешь кобылу». Волк побежал искать кобылу: увидел ее, подходит и говорит: «Кобыла! Господь велел тебя съест». Она отвечает: «Ну, нет! Меня не съешь, не позволено; у меня на то есть вид¹, только далеко забит». — «Ну покажи!» — «Подойди поближе к задним ногам». Волк подошел; она как треснет его по зубам задними копытами, ажно² волк на три сажени назад отлетел! А кобыла убежала.

Пошел волк с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! Кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съешь барана». Волк побежал к барану; прибежал и говорит: «Баран, я тебя съем, Господь приказал». — «Пожалуй, съешь! Да ты стань под горою да разинь свою пасть, а я стану на горе, разбежусь, так прямо к тебе в рот и вскочу!» Волк стал под горою и разинул пасть; а баран как разбежится с горы да как ударит его своим бараньим лбом: бац! Сшиб волка с ног, да сам и ушел. Волк встал, глядит на все стороны: нет барана!

Опять отправился с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! И баран меня обманул; чуть-чуть совсем не убил!» — «Пооди, — сказал Христос, — съешь портного». Побежал волк; попадаетесь ему навстречу портной. «Портной, я тебя съем, Господь приказал». — «Погоди, дай хоть с родными проститься». — «Нет, и с родными не дам проститься». — «Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли еще в тебя-то?» — «Смеряй!» — говорит волк. Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, завил хвост за руку, и давай серого утюжить³. Волк бился-бился, рвался-рвался, оторвал хвост да давай бог ноги! Бежит что есть силы, а навстречу ему семь волков. «Постой! — говорят. — Что ты, серый, без хвоста?» — «Портной оторвал». — «Где портной?» — «Вон идет по дороге». — «Давай нагонять его», — и пустились за портным. Портной услышал погоню, видит, что дело плохо, взобрался поскорей на дерево, на самый верх, и сидит.

Вот волки прибежали и говорят: «Станем, братцы, доставать портного; ты, кургузый⁴, ложись под испод, а мы на тебя, да друг на дружку устави́мся — авось достанем!» Кургузый лег наземь, на него стал волк, на того другой, на другого третий, все выше и выше; уже последний взлезает. Видит портной беду неминуемую: вот-вот достанут! и закричал сверху: «Ну, уж никому так не достанется, как кургузому»⁵. Кургузый

¹ Паспорт.

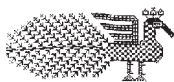
² Так что.

³ Бить.

⁴ Бесхвостый.

⁵ У малороссиян существует поговорка: «Кому, кому, — а що куцо́му, то вже не мине́ця!»

как выскочит из-под низу да бежать! Все семеро волков попадали на-земь да за ним вдогонку; нагнали и ну его рвать, только ключья летят. А портной слез с дерева и пошел домой.

57—58. МЕДВЕДЬ

57

Жил-был старик да старуха, детей у них не было. Старуха и говорит старику: «Старик, сходи по дрова». Старик пошел по дрова; попал ему навстречу медведь и сказывает: «Старик, давай бороться». Старик взял да и отсек медведю топором лапу; ушел домой с лапой и отдал старухе: «Вари, старуха, медвежью лапу». Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться. Медведь ревел-ревел, надумался и сделал себе липовую лапу; идет к старику на деревяшке и поет:

Скрипи, нога,
Скрипи, липовая!
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит,
Мою кожу сушит.

В те поры¹ старик и старуха испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха на печь под черные рубахи. Медведь взошел в избу; старик со страху кряхтит под корытом, а старуха закашляла. Медведь нашел их, взял да и съел.

58

Жила-была старуха. Избушка ее стояла на отлете от села, двор был плохо огорожен, а скотинки-то было вдоволь: одна корова да шесть овец. Зимой всюду бродят волки да медведи; вот к этой старухе и повадился по ночам ходить медведь — овец ест. Разло-

¹ Тогда.

мал назади плетень, съел овцу, съел и другую. Старуха зачала караулить и накинула на себя такую дурень¹, что и ночь стала у ней как день. Сняла она с зарезанных медведем овец шерстку и всю ноченьку сидит себе да прядет.

Вот медведь много раз приходил, хочется ему съест овечку — не тут-то было! Только медведь за плетень, а старуха скрип дверью и выйдет на двор. Медведь с досады перестал ходить по задам, а подойдет под окно к старухиной избе и запоет песню: «Скрипи, скрипи, скрипка, на липовой ножке! И вода-то спит, и земля-то спит; одна бабушка не спит, свою шерстку прядет!»

Выйдет старуха за ворота посмотреть — кто так хорошо поет, а медведь шасть назад к плетню, стибрит² овцу и уйдет в лес. Так-то всех овец и перетаскал. Бедная старушка сломала свою избушку и поселилась на куте³ у своего брата; стали они вместе жить да поживать, добра наживать да лиха избывать.

59. МЕДВЕДЬ, СОБАКА И КОШКА

Жил себе мужик, у него была добрая собака, да как устарела — перестала и лаять и оберегать двор с амбарами. Не захотел мужик кормить ее хлебом, прогнал со двора. Собака ушла в лес и легла под дерево издыхать. Вдруг идет медведь и спрашивает: «Что ты, кобель, улегся здесь?» — «Пришел околевать с голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормят и поят, а как пропадет сила от старости — ну и погонят со двора». — «А что, кобель, хочется тебе есть?» — «Еще как хочется-то!» — «Ну, пойдем со мною; я тебя накормлю».

Вот и пошли. Попадается им навстречу жеребец. «Гляди на меня!» — сказал медведь собаке и стал лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!» — «Ну что?» — «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?» — «Красны, медведь!» Медведь еще сердитее начал рвать землю. «Кобель, а кобель! Что — шерсть взъерошилась?» — «Взъерошилась, медведь!» — «Кобель, а кобель! Что — хвост поднялся?» — «Поднялся!» Вот медведь схватил жеребца за брюхо; жеребец упал наземь. Медведь разорвал его и говорит: «Ну, кобель, ешь сколько угодно. А как приберешь все, приходи ко мне».

Живет себе кобель, ни о чем не тужит; а как съел все да проголодался опять, побежал к медведю. «Ну что, брат, съел?» — «Съел; теперича

¹ Дурь.

² Утащит, украдет.

³ Угол против печи в избе (Ред.).

опять пришлось голодать». — «Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?» — «Знаю». — «Ну, пойдем; я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу из зыбки¹ ее ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Как отнимешь, и отнеси назад; она за то станет тебя по-старому кормить хлебом». Вот ладно, прибежал медведь, подкрался и унес ребенка из зыбки. Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли-догоняли и не могли нагнать, так и воротились; мать плачет, бабы тужат.

Откуда нэ взялся кобель, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад. «Смотрите, — говорят бабы, — старый-то кобель отнял ребенка!» Побежали навстречу. Мать уж так рада-рада. «Теперича, — говорит, — я этого кобеля ни за что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлеба и дала ему: «На, покушай!» А мужику говорит: «Нет, муженек, нашего кобеля надо беречь да кормить; он моего ребенка у медведя отнял. А ты сказывал, что у него силы нет!» Поправился кобель, отъелся: «Дай Бог, — говорит, — здоровья медведю! Не дал помереть с голоду», — и стал медведю первый друг.

Раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости. «Здорово, кобель! Ну как поживаешь — хлеб поедаетшь?» — «Слава Богу! — отвечает собака. — Не житье, а масленица. Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу. Хозяева загуляли и не увидят, как ты пройдешь; а ты войди в избу да поскорей под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать». Ладно, забрались в избу. Кобель видит, что гости и хозяйка порядком перепились, и ну угощать приятеля. Медведь выпил стакан, другой, и поразобрал его. Гости затянули песни, и медведю захотелось, стал свою заводить; а кобель уговаривает: «Не пой, а то беда будет». Куды! Медведь не утихает, а все громче заводит свою песню. Гости услышали вой, схватили колья и давай бить медведя; он вырвался да бежать, еле-еле жив уплелся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну проказить: куда ни полезет, а что-нибудь разобьет или из кувшина прольет. Мужик прогнал кошку из дому, а собака видит, что она бедствует без еды, и начала потихоньку носить к ней хлеба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; как узнала про это, принялась кобеля бить; била-била, а сама приговаривала: «Не таскай кошке говядины, не носи кошке хлеба!» Вот дня через три вышел кобель со двора и видит, что кошка совсем с голоду издыхает. «Что с тобой?» — «С голоду помираю; потуда и сыта была, откуда ты меня кормил». — «Пойдем со мною».

Вот и пошли. Приходит кобель к табуну и начал копать землю лапами, а сам спрашивает: «Кошка, а кошка! Что — глаза красны?» — «Ничего не красны». — «Говори, что красны!» Кошка и говорит: «Красны». — «Кошка, а кошка! Что — шерсть ошетибилась?» — «Нет, не ошетибилась». — «Говори, дура, что ошетибилась». — «Ну, ошетибилась». — «Кошка, а кошка! Что хвост — поднялся?» — «Ничего не поднялся». — «Говори, дура, что поднялся!» — «Ну, поднялся». Кобель как

¹ Люльки, колыбели.

бросится на кобылу, а кобыла как ударит его задом: у кобеля и дух вон! А кошка и говорит: «Вот теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась, и хвост завился. Прощай, брат кобель! И я пойду помирать».

60—61. КОЗА

60

Гидит козел да плачет: он послал козу за орехами; она пошла и пропала.
Вот козел и запел:

Нет козы с орехами,
 Нет козы с калеными!
 Добро же, коза! Пошлю на тя волки.
 Волки нейдут козы гнать:
 Нет козы с орехами,
 Нет козы с калеными!
 Добро же, волки! Пошлю на вас медведя.
 Медведь нейдет волков драть,
 Волки нейдут козы гнать:
 Нет козы с орехами,
 Нет козы с калеными!
 Добро же, медведь! Пошлю на тя люд.
 Люди нейдут медведь стрелять,
 Медведь нейдет волков драть,
 Волки нейдут козы гнать:
 Нет козы с орехами,
 Нет козы с калеными!
 Добро же, люди! Пошлю на вас дубье.
 Дубье нейдет людей бить,
 Люди нейдут медведь стрелять,
 Медведь нейдет волков драть,
 Волки нейдут козы гнать:
 Нет козы с орехами,
 Нет козы с калеными!
 Добро же, дубье! Пошлю на тя топор.
 Топор нейдет дубье рубить,
 Дубье нейдет людей бить,

Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!

Добро же, топор! Пошлю на тя камень.

Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!

Добро же, камень! Пошлю на тя огонь.

Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!

Добро же, огонь! Пошлю на тя воду.

Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!

Добро же, вода! Пошлю на тя бурю.

Буря пошла воду гнать,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошел камень палить,
Камень пошел топор тупить,
Топор пошел дубье рубить,
Дубье пошло людей бить,
Люди пошли медведь стрелять,
Медведь пошел волков драть,
Волки пошли козу гнать:

Вот коза с орехами,
Вот коза с калеными!

61

Пошла коза за лыками;
 Козы нету за рекой.
 «Ну, постой же ты, коза!
 Я нашла на тебя волка».
 Волк нейдет козы резать:
 Козы нету за рекой.
 «Ну, постой же ты мне, волк!
 Я нашла на ты медведь».
 Медведь нейдет волка драть,
 Волк нейдет козы резать:
 Козы нету за рекой.
 «Ну, постой же ты, медведь!
 Я нашла на ты дубье».
 Дубье нейдет медведь бить,
 Медведь нейдет волка драть,
 Волк нейдет козы резать:
 Козы нету за рекой.
 «Ну, постой же ты, дубье!
 Я нашла на ты топор».

И так далее, на топор насылается камень, на камень — лом, на лом — кузнец, на кузнеца — плеть.

Плеть идет кузнеца бить,
 Кузнец идет лом варить,
 Лом идет камень дробить,
 Камень идет топор точить,
 Топор идет дубье рубить,
 Дубье идет медведь бить,
 Медведь идет волка драть,
 Волк идет козу резать!

62. СКАЗКА О КОЗЕ ЛУПЛЕННОЙ

Коза рухлена, половина бока луплена!.. Слушай, послушывай!
 Жил-был мужик, у него был зайчик. Вот и пошел мужик на поле; тут увидел он: лежит коза, половина бока луплена, а половина нет. Мужик сжалился над нею, взял ее, принес домой и положил под сарай. Пообедав и отдохнув немножко, вышел он на огород, и

зайчик с ним. Тут коза из-под сарая в избу пробралась и там крючком заперлась.

Вот зайчик захотел поесть и прибежал к дверям избы; хватъ лапкой — дверь заперта! «Кто там?» — спрашивает зайчик. Коза отвечает: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!» Зайчик с горем отошел от двери, вышел на улицу и плачет. Навстречу ему бирюк. «Что ты плачешь?» — спросил бирюк. «У нас в избе кто-то», — сказал сквозь слезы зайчик. А бирюк: «Иди со мною, я выгоню!» Пришли к дверям. «Кто здесь?» — спросил бирюк. Коза затопала ногами и сказала: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!»

Вот они и ушли от двери. Зайчик опять заплакал и вышел на улицу, а бирюк убежал в лес. Навстречу зайцу идет кочет: «Что ты плачешь?» Зайчик ему сказал. Вот кочет и говорит: «Иди со мною, я выгоню!» Подходя к двери, зайчик, чтобы устроить козу, кричит: «Идет кочет на пятах, несет саблю на плечах, идет душу губить — козе голову рубить». Вот подошли; кочет и спрашивает: «Кто там?» Коза по-прежнему: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!»

Зайчик опять со слезами ушел на улицу. Тут подлетела к нему пчелка, суетится и спрашивает: «Кто тебя? О чем ты плачешь?» Зайчик сказал ей, и пчелка полетела к избе. Тут она спросила: «Кто там?» Коза отвечала по-прежнему. Пчелка рассердилась, начала летать круг стенок; вот жужжала-жужжала и нашла дырочку, влезла туда да за голый бок и жальнула¹ козу рѹхлену и сделала на боку пѹхлину. Коза со всего маху в дверь, и была такова! Тут зайчик вбег в избу, наелся-напился и спать повалился. Когда зайчик проснется, тогда и сказка начнется.

63. СКАЗКА ПРО ОДНОГО ОДНОБОКОГО БАРАНА

У одного барина было много животины². Только что он принял³ пять барашков, из шкурок ихних выделал овчинки и стал себе шубу шить. Призвал портного. «Ну, — бает, — сшей мне шубу». Тот померил-померил; видит, что не хватит ему пол-овчинки на шубу. «Мало, — бает, — овчин, не хватает на клинья». — «Эвтому делу можно пособить», — бает барин и велел лакею своему у одного барана содрать шкуру с одного боку. Лакей так и сделал, как барин баял. Только что этот баран рассерчал на барина, подозвал к себе козла. «Пойдем, — бает, — от этакого лихоедя; в лесу пока можно жить, травка есть, водицу найдем,

¹ Ужалила.

² Скота.

³ Принять — бить и свежевать скотину.

сыты будем». Вот они и пошли. Пришли в лес, сладили шалашу, и ну по ночам ночевать. Живут себе да поживают да травку поедают.

Только что у того барина жить не полюбилось не им одним. Ушли с того со двора корова да свинья, петух да гусак. Вот они, пока было тепло, жили себе на воле, а как пришла зимушка-зима, и они стали прятаться от мороза. Вот ходили, ходили по лесу, да и нашли шалашу-то барана, и стали они проситься к нему: «Пусти, — бают, — нам ведь холоднее». А они и знать не хотят, никого не пускают.

Вот корова подходит: «Пустите, — бает, — а не то всю вашу шалашу набок сворочу!» Баран видит, плохо дело, пустил ее. Подходит свинья: «Пустите, — бает, — а нет — так я всю землю изрою да таки подроюсь к вам; смотрите, вам же будет холоднее». Делать нечего, и эту пустили. Глядь — и гусак тоже бает: «Пустите, а не то я дыру проклюю, смотрите, вам же будет холоднее». — «Пустите, — бает и петун¹, — а не то всю крышу вашу обс...!» Что делать, пустили и этих, да и стали все они жить вместе.

Долго ль, коротко ль они жили, а однажды шли мимо их разбойники и услышали крик да гам, подошли, послушали; не знают, что такое есть, и посылают одного своего товарища: «Ступай, — бают, — а не то веревку на шею, да и в воду!» Делать нечего, тот и пошел. Как только взошел, как начали его со всех сторон! Вот он, делать нечего, назад... «Ну, братцы, — бает, — что хотите делайте, а я уж ни за что не пойду. Этакого страха сродясь не видывал! Только что взошел, где ни возьмись — баба, да меня ухватом-то, да меня ухватом-то; а тут еще барыня, да так и сердчает; а тут, глядь, — чеботарь², да меня шилом-то, да меня шилом-то в зад; а тут еще портной, да ножницами; а тут еще солдат со шпорами, да так на меня скинулся, что волосы у него дыбом стали; «вот я те!» — бает. А там еще, знать, ихний, на́большой: «Ужо-ка я-то его!» Братцы, — бает, — сробел». — «Ну, — бают разбойники, — делать нечего, уйдемте, а то, пожалуй, и нас-то всех перевяжут!» Ушли.

А они живут пока да живут себе складно. Вдруг приходят к ихней шалаше зверье³, да по духу и узнали, что там есть. «Ну-тка, — бают волку, — поди-ка ты наперед!» Только что тот взошел, как те начали его катать; насили ноги оттуда вынес. Не знают, что и делать. А тута был с ними еж; вот он: «Постойте-ка, — бает, — вот уж-ка я попытаюсь, авось лучше будет!» Вишь, он знал, что у барана-то одного бока нету. Вот он и подкатился, да и кольни барана; как тот через всех да как прыгнет, да и драла. За ним и все, да так и разбежались. А вместо их зверье тута и остались.

¹ Петух.

² Сапожник.

³ Волки.

64. ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Шел бык лесом; попадаетя ему навстречу баран. «Куды, баран, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ишу», — говорит баран. «Пойдем со мною!» Вот пошли вместе; попадаетя им навстречу свинья. «Куды, свинья, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ишу», — отвечает свинья. «Иди с нами!» Пошли втроем дальше; навстречу им попадаетя гусь. «Куды, гусь, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ишу», — отвечает гусь. «Ну, иди за нами!» Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух. «Куды, петух, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ишу», — отвечает петух. «Иди за нами!»

Вот идут они путем-дорогою и разговаривают промеж себя: «Как же, братцы-товарищи? Время приходит холодное: где тепла искать?» Бык и сказывает: «Ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамерзнем». Баран говорит: «У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так прозимую». Свинья говорит: «А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: зарюся в землю и без избы прозимую». Гусь говорит: «А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденуся, — меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую». Петух говорит: «И я тож!» Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать. «Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить». Выстроил себе избушку и живет в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран — делать нечего — приходит к быку: «Пусти, брат, погреться». — «Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пушу!» — «А коли не пустишь, то я разбегуся и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее». Бык думал-думал: «Дай пушу, а то, пожалуй, и меня заморозит», — и пустил барана. Вот и свинья прозябла, пришла к быку: «Пусти, брат, погреться». — «Нет, не пушу; ты в землю зароешься, и так прозимуешь!» — «А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу уроню». Делать нечего, надо пустить; пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух: «Пусти, брат, к себе погреться». — «Нет, не пушу. У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так прозимуете!» — «А не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю; тебе же холоднее будет». — «Не пустишь? — говорит петух. — Так я взлечу на верх¹, всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет». Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке. Отогрелся в тепле петух и зачал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, быка;

¹ На чердак.

для тебя, волк, барана; а для себя петуха». — «Хорошо, кумушка, — говорят медведь и волк, — мы твоих услуг никогда не забудем! Пойдем же, приколем да поедим!»

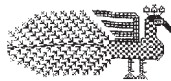
Лиса привела их к избушке. «Кум, — говорит она медведю, — отворяй дверь, я наперед пойду, петуха съем». Медведь отворил дверь, а лисица вскочила в избушку. Бык увидел ее и тотчас прижал к стене рогами, а баран зачал осаживать по бокам; из лисы и дух вон. «Что она там долго с петухом не может управиться? — говорит волк. — Отпирай, брат Михайло Иванович! Я пойду». — «Ну, ступай». Медведь отворил дверь, а волк вскочил в избушку. Бык и его прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, и так его приняли, что волк и дышать перестал. Вот медведь ждал-ждал: «Что он до сих пор не может управиться с бараном! Дай я пойду». Вошел в избушку; а бык да баран и его так же приняли. Насилу вон вырвался, и пустился бежать без оглядки.

65. МЕДВЕДЬ И ПЕТУХ

Был у старика сын дурак. Просит дурак, чтобы отец его женил: «А если не женишь — всю печку разломаю!» — «Как я тебя женю? У нас денег нету». — «Денег нету, да есть вол; продай его на бойню». Вол услышал, в лес убежал. Дурак опять пристаёт к отцу: «Жени меня, не то всю печку разломаю!» Отец говорит: «Рад бы женить, да денег нету». — «Денег нету, да есть баран; продай его на бойню». Баран услышал, в лес убежал. Дурак от отца не отходит: «жени меня», да и только. «Я же тебе говорю, что денег нет!» — «Денег нету, да есть петух; заколи его, испеки пирог и продай». Петух услышал, в лес улетал.

Вол, баран и петух сошлись все вместе и выстроили себе в лесу избушку. Медведь узнал про то, захотел их съесть и пришел к избушке. Петух увидел его и запрыгал по насести; машет крыльями и кричит: «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь!» Медведь испугался и пустился назад, бежал-бежал, от страху упал и умер. Дурак пошел в лес, нашел медведя, снял с него шкуру и продал; на эти деньги и женили дурака. Вол, баран и петух из лесу домой пришли.

66—67. СОБАКА И ДЯТЕЛ

66

Жили мужик да баба и не знали, что есть за работа; а была у них собака, она их и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара; куда уж тут кормить мужика с бабой! Чуть сама с голоду не пропадает. «Послушай, старик, — говорит баба, — возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони; пусть идет куда хочет. Теперича она нам не надобна! Было время — кормила нас, ну и держали ее». Взял старик собаку, вывел за деревню и прогнал прочь.

Вот собака ходит себе по чистому полю, а домой идти боится: старик со старухой станут бить-колотить. Ходила-ходила, села наземь и завывала крепким голосом. Летел мимо дятел и спрашивает: «О чем ты воешь?» — «Как не выть мне, дятел! Была я молода, кормила-поила старика со старухой; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, где век доживать». — «Пойдем ко мне, карауль моих детушек, а я кормить тебя стану». Собака согласилась и побежала за дятлом.

Дятел прилетел в лес к старому дубу, а в дубе было дупло, а в дупле дятлово гнездо. «Садись около дуба, — говорит дятел, — никого не пущай, а я полечу разыскивать корму». Собака уселась возле дуба, а дятел полетел. Летал-летал и увидал: идут по дороге бабы с горшочками, несут мужьям в поле обедать; пустился назад к дубу, прилетел и говорит: «Ну, собака, ступай за мною; по дороге бабы идут с горшочками, несут мужьям в поле обедать. Ты становись за кустом, а я окунусь в воду да вывалюсь в песок и стану перед бабами по дороге низко порхать, будто взлететь повыше не могу. Они начнут меня ловить, горшочки свои поставят наземь, а сами за мною. Ну, ты поскорее к горшочкам-то бросайся да наедайся досыта».

Собака побежала за дятлом и, как сказано, стала за кустом; а дятел вывалялся весь в песок и начал перед бабами по дороге перепархивать. «Смотрите-ка, — говорят бабы, — дятел-то совсем мокрый, давайте его ловить!» Покинули наземь свои горшки, да за дятлом, а он от них дальше да дальше, отвел их в сторону, поднялся вверх и улетел. А собака меж тем выбежала из-за куста и все, что было в горшочках, приела и ушла. Воротились бабы, глянули, а горшки катаются порожные; делать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятел нагнал собаку и спросил: «Ну что, сыта?» — «Сыта», — отвечает собака. «Пойдем же домой». Вот дятел летит, а собака бежит; попадает им на дороге лиса. «Лови лису!» — говорит дятел. Собака бросилась за лисой, а лиса припустила изо всех сил. Случись на ту пору ехать мужику с бочкою дегтю. Вот лиса кинулась через дорогу, прямо к телеге и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею, да завязла в колесе; тут из нее и дух вон.

«Ну, мужик, — говорит дятел, — когда ты задавил мою собаку, то и я причину тебе великое горе!» Сел на телегу и начал долбить дыру в бочке, стучит себе в самое дно. Только отгонит его мужик от бочки, дятел бросится к лошади, сядет промежду ушей и долбит ее в голову. Сгонит мужик с лошади, а он опять к бочке; так продолбил в бочке дыру и весь деготь выпустил. А сам говорит: «Еще не то тебе будет», — и стал долбить у лошади голову. Мужик взял большое полено, засел за телегу, выждал время и как хватит изо всей мочи; только в дятла не попал, а со всего маху ударил лошадь по голове и ушиб ее до смерти. Дятел полетел к мужиковой избе, прилетел и прямо в окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенок сидел на лавке; дятел сел ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не может прогнать: злой дятел все клюет; вот она схватила палку да как ударит: в дятла-то не попала, а ребенка зашибла...

67

Мужик прогнал со двора старую собаку; она придумала идти в чистое поле и кормиться полевыми мышами. Пошла в поле: увидел ее дятел и взял к себе в товарищи. «Я голодна», — говорит собака. «Пойдем в деревню, — отвечает дятел, — там свадьбу справляют, будет чем поживиться». Птица влетела в избу, где свадьбу справляли, и зачала бегать по столам, а гости стали кидать в нее кто чем попало, всё перебили и под стол перебросали; а собака в такой суматохе незаметно пробралась в эту же избу, затесалась под стол, наелась, сколько душе угодно, и ушла. «Ну что — сыта?» — спрашивает дятел. «Сыта-то сыта, да пить хочу!» — говорит собака. «Ступай в другую избу, там старик вино цедит из бочки».

Дятел влетел в окошко, сел на бочку и ну долбить в самое дно. Старик хотел ударить дятла, кинул в него воронкой, да не попал; воронка куда-то закатилась: старик и туда и сюда, не может найти, а из бочки вино себе льется наземь. Собака пробралась в избу, напилась и назад. Сошла с дятлом и говорит ему: «Я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмеяться!» — «Ладно», — отвечает дятел. Вот увидели они, что работники хлеб молотят. Дятел тотчас сел к одному работнику на плечо и стал клевать его в затылок; а другой парень схватил палку, хотел ударить птицу, да и свалил с ног работника. А собака от смеха так и катается по земле!

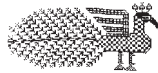
После того дятел с собакою пустились в чистое поле и повстречали лисицу. Дятел начал манить лисицу; чуть-чуть подыметесь вверх и опять опустится вниз; лиса ну гоняться за ним по полю, а собака подкралась сзади к лисице, подползла на брюхе, хватить ее и начала грызть. На ту пору ехал в город мужик с возом горшки продавать, увидел, что собака лису давит, прибежал к ним с поленом, ударил со всего размаху, убил и ту и другую. Озлился дятел на старика; сел его лошади на голову и стал выклевать ей глаза. Мужик бежит с поленом, хочет убить дятла; при-

бежал, как хватит — лошадь тут же и повалилась мертвая. А дятел увернулся, перелетел на воз и пошел бегать по горшкам, а сам так и бьет крылами. Мужик за ним и ну поленом по возу-то, по возу-то. Перебил все горшки и пошел домой ни с чем, а дятел улетел в лес.

68. КОЧЕТ И КУРИЦА

Жили курочка с кочетком, и пошли они в лес по орехи. Пришли к орешне; кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать орехи: кочеток кидает, а курочка подбирает. Вот кинул кочеток орешек, и попал курочке в глазок, и вышиб глазок. Курочка пошла — плачет. Вот едут бояре и спрашивают: «Курочка, курочка! Что ты плачешь?» — «Мне кочеток вышиб глазок». — «Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?» — «Мне орешня портки раздрала». — «Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?» — «Меня козы подглодали». — «Козы, козы! На что вы орешню подглодали?» — «Нас пастухи не берегут». — «Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?» — «Нас хозяйка блинами не кормит». — «Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?» — «У меня свинья опару пролила». — «Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?» — «У меня волк поросенчика унес». — «Волк, волк! На что ты у свиньи поросенчика унес?» — «Я есть захотел, мне Бог повелел».

69. СМЕРТЬ ПЕТУШКА

Ходят курица с петухом на поповом гумне. Подавился петушок бобовым зёрнытком.

Курочка сжалелась, пошла к речке просить воды.

Речка говорит: «Поди к липке, проси листа, тогда и дам воды!» — «Липка, липка! Дай листу: лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зёрнытком: ни слышит¹, ни слышит, ровно мертвый лежит!»

Липка сказала: «Поди к девке, проси нитки: в те поры дам листа!» — «Девка, девка! Дай нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, —

¹ Пы ш ать — дышать.

подавился петушок бобовым зёрнятком: ни спышйт, ни сдышйт, ровно мертвый лежит!»

Девка говорит: «Поди к корове, проси молока; в те поры дам нитки». Пришла курочка к корове: «Корова, корова! Дай молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зёрнятком: ни спышйт, ни сдышйт, ровно мертвый лежит!»

Корова говорит: «Поди, курочка, к сенокосам¹, попроси у них сена; в те поры дам молока». Пришла курочка к сенокосам: «Сенокосы, сенокосы! Дайте сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зёрнятком: ни спышйт, ни сдышйт, ровно мертвый лежит!»

Сенокосы говорят: «Поди, курочка, к кузнецам, чтобы сковали косу». Пришла курочка к кузнецам: «Кузнецы, кузнецы! Скуйте мне косу, косу нести к сенокосам, сенокосы дадут сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зёрнятком: ни спышйт, ни сдышйт, ровно мертвый лежит!»

Кузнецы сказали: «Иди, курочка, к ла́янам², проси у них уголья; в те поры скуем тебе косу». Пришла курочка к ла́янам: «Ла́яна, ла́яна! Дайте уголья, уголье нести к кузнецам, кузнецы скуют косу, косу нести к сенокосам, сенокосы дадут сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст листу, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зёрнятком: ни спышйт, ни сдышйт, ровно мертвый лежит!»

Дали ла́яна уголья; снесла курочка уголье к кузнецам, кузнецы сковали косу; снесла косу к сенокосам, сенокосы накосили сена; снесла сено к корове, корова дала молока; снесла молоко к девке, девка дала нитки; снесла нитки к липке, липка дала листу; снесла лист к речке, речка дала воды; снесла воду к петушку: он лежит, ни спышйт, ни сдышйт, подавился на поповом гумне бобовым зёрнятком!

¹ Т. е. косца́м.

² Ла́яна — жители деревни Ла́и, которая стоит при речке того же имени (Лая), впадающей в Северную Двину. Они занимаются приготовлением угля для портювых кузниц.

70—71. КУРОЧКА

70

Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком трянула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать: «Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком трянула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась». Просвирня как услышала — все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвиры: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.

71

Как у нашей бабушки в задворенке
 Была курочка-рябушечка;
 Посадила курочка яичушко,
 С полки на полку,
 В осиновое дупёлко¹,
 В кут под лавку.
 Мышка бежала,
 Хвостом вернула —
 Яичко приломала!
 Об этом яичке строй² стал плакать,
 Баба рыдать, вереи³ хохотать,
 Курицы летать, ворота скрипеть;
 Сор под порогом закурлся,
 Двери побутусились⁴, тын рассыпался;
 Поповы дочери шли с водою,

¹ Калочка, выдолбленная из цельного дерева или пня.

² Нищий, калека.

³ Вереи — столбы, на которые навешиваются ворота (*Ред.*).

⁴ Покривились.

Ушат приломали,
 Попадье сказали:
 «Ничего ты не знаешь, матушка!
 Ведь у бабушки в задворенке
 Была курочка-рябушечка;
 Посадила курочка яичушко,
 С полки на полку,
 В осиновое дупёлко,
 В кут под лавку.
 Мышка бежала,
 Хвостом вернула —
 Яичко приломала!
 Об этом яичке строй стал плакать,
 Баба рыдать, верей хохотать.
 Курицы летать, ворота скрипеть,
 Сор под порогом закурился,
 Двери побутусились, тын рассыпался;
 Мы шли с водою — ушат приломали!»
 Попадья квашню месила —
 Все тесто по полу разметала;
 Пошла в церковь, попу сказала:
 «Ничего ты не знаешь...
 Ведь у бабушки в задворенке
 (Снова повторяется тот же рассказ.)
 тын рассыпался;
 Наши дочери шли с водой —
 Ушат приломали, мне сказали;
 Я тесто месила —
 Все тесто разметала!»
 Поп стал книгу рвать —
 Всю по полу разметал!

72. ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

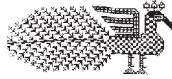
Летала сова — веселая голова; вот она летала-летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь на цапле!»

Пошел журавль — тяп, тяп! Семь верст болото месил; приходит и говорит: «Дома ли цапля?» — «Дома». — «Выдь за меня замуж». — «Нет, журавль, нейдю за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» — «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» — Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня». — «Нет, журавль, нейду за тя замуж!» Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

73. ВОРОНА И РАК

Летела ворона по-над морем, смотрит — рак лезет; хап его и понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне: «Эй, вороно, вороно! Знав я твого батька и твою матір — славні люди були!» — «Угу!» — ответила ворона, не раскрывая рта. «І братів і сестер твоїх знав, щоб за добрі люди!» — «Угу!» — «Та вже хоч вони і гарні! люди, а тобі не рівня. Мені здається, що й на світі нема розумнішого над тебе». — «Эге!» — крикнула ворона во весь рот и упустила рака в море.

74. ОРЕЛ И ВОРОНА

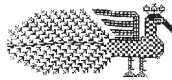
Жила-была на Руси ворона, с няньками, с мамками, с малыыми детками, с ближними соседками. Прилетели гуси-лебеди, на-несли яичек; а ворона стала их забижать, стала у них яички та-скасть.

Случилось лететь мимо сычу; видит он, что ворона больших птиц забижает, и полетел к сизому орлу. Прилетел и просит: «Батюшка сизый орел! Дай нам праведный суд на шельму ворону». Сизый орел послал за вороной легкого посла воробья. Воробей тотчас полетел, захватил ворону; она было упираться, воробей давай ее пинками и привел-таки к сизому орлу.

¹ Хорошие (Ред.).

Орел стал судить. «Ах ты шельма ворона, шаловая¹ голова, непотребный нос, г... хвост! Про тебя говорят, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших птиц яички таскаешь». — «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!» — «Про тебя же сказывают: выйдет мужичок сеять, а ты выскочишь со всем своим содомом и ну разгребать». — «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!» — «Да еще сказывают: станут бабы жать, нажнут и покладут снопы на поле, а ты выскочишь со всем содомом и опять-таки ну разгребать да ворошить». — «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!»

Осудили ворону в острог посадить.

75. ЗОЛОТАЯ РЫБКА

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая — золотая. Возмолилась ему рыбка человеческим голосом: «Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю». Старик подумал-подумал и говорит: «Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!»

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой. Спрашивает его старуха: «Много ли поймал, старик?» — «Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она возмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригуду стану: что пожелаешь, все сделаю! Пожалел я рыбку, не взял с нее выкуп, даром на волю пустил». — «Ах ты, старый черт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел».

Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не дает ему покоя: «Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?» Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом; пришел на море и крикнул громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла к берегу: «Что тебе, старик, надо?» — «Старуха осерчала, за хлебом прислала». — «Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь». Воротился старик: «Ну что, старуха, есть хлеб?» — «Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто

¹ Глупая (Ред.).

расколосось, не в чем белье мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала».

Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе надо, старик?» — «Старуха прислала, новое корыто просит». — «Хорошо, будет у вас и корыто». Воротился старик, — только в дверь, а старуха опять на него накинулась: «Ступай, — говорит, — к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри что развалится!» Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает: «Что тебе, старик, надо?» — «Построй нам новую избу; старуха ругается, не дает мне покою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она того и смотри вся развалится!» — «Не тужи, старик! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано».

Воротился старик — на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуше прежнего сердится, пуше прежнего ругается: «Ах ты, старый пес! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь — дело сделал! Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись». Пошел старик на море, говорит громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой: «Что тебе, старик, надо?» Отвечает старик: «Не дает мне старуха покою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой». — «Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано».

Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по двору прислуга бегает, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдает. «Здравствуй, жена!» — говорит старик. «Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьюми как можно больнее». Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетьюми, да так угостили, что еле на ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житье старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто — сейчас на конюшню! «Экая ведьма! — думает старик. — Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!»

Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает: «Ступай, старый черт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею». Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе, старик, надо?» — «Да что, вздурилась моя старуха пуше прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею». — «Не тужи! Ступай домой да мо-

лись Богу, все будет сделано». Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом — зеленый луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бегают: «Какой-такой старик?» Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице. «Слушай, старый черт! — говорит ему старуха. — Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались». Старик было отнекиваться; куда тебе! коли не пойдешь — голова долой! Скрепя сердце пошел старик на море, пришел и говорит: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Золотой рыбки нет как нет! Зовет старик в другой раз — опять нету! Зовет в третий раз — вдруг море зашумело, взволновалось; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу: «Что тебе, старик, надо?» — «Старуха еще пуше вздурилась; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать».

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане. Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

76. ЖАДНАЯ СТАРУХА

Жил старик со старухою; пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю». — «Ну, сделай, чтобы я богат был». — «Ладно; ступай домой, всего у тебя вдоволь будет». Воротился старик домой — изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец — в три дня не сосчитать! «Ах, старик, откуда все это?» — спрашивает старуха. «Да вот, жена, я такое дерево нашел — что ни пожелай, то и делает».

Пожили с месяц; приелось старухе богатое житье, говорит старику: «Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают! Захочет бурмистр, и тебя и меня на работу погонит; а придерется, так и палками накажет. Ступай к дереву, проси, чтоб ты бурмистром был». Взял старик топор, пошел к дереву и хочет под самый корень рубить. «Что тебе надо?» — спрашивает дерево. «Сделай, чтобы я бурмистром был». — «Хорошо, ступай с богом!»

Воротился домой, а его уж давно солдаты дожидают: «Где ты, — кричали, — старый черт, шатаешься? Отводи скорей нам квартиру, да чтоб хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видит старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говорит старику: «Что за корысть быть бурмистровой женою! Вот тебя солдаты прибили, а уж о барине и говорить нечего: что захочет, то и сделает. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтоб сделало тебя барином, а меня барыней».

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет опять рубить; дерево спрашивает: «Что тебе надо, старичок?» — «Сделай меня барином, а старуху барыней». — «Хорошо, ступай с богом!» Пожила старуха в барстве, захотелось ей большего, говорит старику: «Что за корысть, что я барыня! Вот кабы ты был полковником, а я полковницей — иное дело, все бы нам завидовали».

Погнала старика снова к дереву; взял он топор, пришел и собирается рубить. Спрашивает его дерево: «Что тебе надобно?» — «Сделай меня полковником, а старуху полковницей». — «Хорошо, ступай с богом!» Воротился старик домой, а его полковником пожаловали.

Прошло несколько времени, говорит ему старуха: «Велико ли дело — полковник! Генерал захочет, под арест посадит. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя генералом, а меня генеральшею». Пошел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня генералом, а старуху генеральшею». — «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а его в генералы произвели.

Опять прошло несколько времени, наскучило старухе быть генеральшею, говорит она старику: «Велико ли дело — генерал! Государь захочет, в Сибирь сошлет. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя царем, а меня царицею». Пришел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня царем, а старуху царицею». — «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а за ним уж послы приехали: «Государь-де помер, тебя на его место выбрали».

Не много пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухе мало быть царицею, позвала старика и говорит ему: «Велико ли дело — царь! Бог захочет, смерть найдет, и запрягут тебя в сырую землю. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало нас богами».

Пошел старик к дереву. Как услышало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту ж минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПРЕДИСЛОВИЕ А. Н. АФАНАСЬЕВА К ИЗДАНИЮ 1873 ГОДА

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (песнями, пословицами, поговорками, причитаниями, заговорами и загадками) весьма видное место занимают сказки. Тесно связанные по своему складу и содержанию со всеми другими памятниками народного слова и исполненные древних преданий, они представляют много любопытного и в художественном и в этнографическом отношениях. Важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии, давно признано и утверждено даровитейшими из германских ученых. Они не только поспешили собрать свои народные сказки и легенды (*Märchen und Sagen*), но еще усвоили в немецкой литературе в прекрасных переводах почти все, что было издано по этому предмету у других народов. Конечно, нигде не обращено такого серьезного внимания на памятники народной словесности, как в Германии, и в этом отношении заслуга немецких ученых действительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благодарный труд, подъятый ими на пользу народности, послужил и нам благим примером. Пора, наконец, и нам дельней и строже заняться собранием и изданием в свет простонародных сказок, тем более что, кроме поэтического и ученого достоинств подобного сборника, он может с пользою послужить для первоначального воспитания, представляя занимательные рассказы для детского чтения. Разумеется, предпринимая издание с этою последнею целью, необходимо допустить строгий выбор, но такой выбор легко будет сделать. Увлекаясь простодушною фантазиею народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений и познакомится с чистым народным языком, его меткими оборотами и художественно верными природе описаниями. Мысль эту разделяли лучшие из наших поэтов: Жуковский и Пушкин, познакомившие публику с некоторыми народными сказками, передавая их простое содержание в прекрасных стихах. Жуковский под конец своей жизни думал исключительно заняться переводом сказок различных народов; а Пушкин в одном из своих писем говорит о себе: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостаток своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

Цель настоящего издания объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок.

Мы не раз уже говорили о доисторическом сродстве преданий и поверий у всех народов индоевропейского племени. Такое сродство усложнялось: во-первых, одинаковостью первоначальных впечатлений, возбужденных в человеке видимою природою, обожание которой легло в основу его нравственных и религиозных убеждений, в эпоху младенчества народов; во-вторых, единством древнейшего происхождения ныне столько разъединенных народов. Разделяясь от единого корня на отдельные ветви, они вынесли из прошлой своей жизни множество одинаковых преданий, и доказательства своего изначального родства затаили в звуках родного слова. Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался язык, создавались и народные верования и верная их представительница — народная поэзия; образование слова и мифа шло

одновременно, и взаимное воздействие языка на создание мифических представлений и мифа, на рождение слова не подлежит сомнению. Теперь, если мы припомним, что народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний и намеков на седую старину доисторического периода, что они суть обломки древнейшего поэтического слова — эпоса, который был для народа хранилищем его верований и подвигов, — для нас будет понятно и то удивительное с первого взгляда сходство, какое замечается между сказками различных народов, живущих на столь отдаленных одна от другой местностях и столь разною историческою жизнью. Особенно такое сходство замечается между сказками народов, состоящих в наиболее близком племенном родстве, например между сказками славянскими, литовскими и немецкими. Читатели убедятся в этих высказанных нами мнениях из подробного сличения народных сказок, на котором мы, с надеждою пояснить многие старинные предания, основываем примечания к нашему изданию.

Народные русские сказки раскрывают пред нами обширный мир. Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном доисторическом быте славянских племен; олицетворенная стихия, вещие птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы — все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столько пленительный своею младенческою наивною, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного. Могучие силы и поразительные явления природы, признанные в эпоху язычества за богов, вследствие обычного развития древних верований воплощались не только в птиц и зверей, но и в антропоморфические образы и, сблизившись мало-помалу с человеческими формами и свойствами, снизились, наконец, с своей недостижимой высоты на степень героев, доступных людским страстям и житейским тревогам, и породили богатырские сказания, повествующие о их чудесных подвигах. Таковы все герои финской поэмы Калевалы и греческие полубоги; таков наш Змей Горыныч, который в «былинах» является уже Богатырем, хотя и сохраняет все атрибуты огненного змея (молниеносной тучи); таковы в народных сказках великаны и богатыри, удержавшие даже свои стихийные названия: Вихорь, Гром, Град. Эти сказочные герои усвоили себе то страшное могущество, какое принадлежит силам природы, и получили громадные, соответственные этому могуществу размеры; самое слово богатырь (от слова Бог чрез прилагательное богат; сравни латинск. *deus, dives, divus* от корня *div* — блистать, светить, откуда и наши баснословные дивы) означает существо, наделенное высшими, божескими качествами. Трудные подвиги богатырей и их битвы с великанами и змиями суть только образные, поэтические изображения естественных явлений, так могущественно влияющих на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, в народных сказках представляется златокудрою девою неописанной красоты, похищаемою змием, который уносит ее в свои неприступные горы и ограждает крепкими затворами; освободителем красной девицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-саморуба, то есть сам Перун, божество грозы и молнии: он проникает в мрачные подземелья, выпивает там всю сильную воду и поражает змия, или, говоря простым, обыкновенным языком, он разбивает тучи молнией, проливает на землю дождь и выводит из змииных пещер деву-солнце. Другой ряд народных сказок в таких же пластических образах изображает годовое обращение этого светила. Невеста-земля, в полном цвете и роскоши своих летних уборов, вдруг под влиянием чар злой колдуньи-зимы превращается в камень и засыпает долгим, непробудным сном; во всем ее царстве жизнь приостанавливается и как бы застывает до тех пор, пока жаркий поцелуй молодого царевича — весеннего солнца не разбудит красавицы для любви и общей радости. Пробужденная невеста вступает в брак с светозарным царевичем, и земля начинает свои роды.

Позднее сказка, верная народной жизни, отразила в своих богатырских повестях черты из эпохи великой борьбы христианских идей с языческими; многие из древних преданий были подновлены, согласно с вновь возникшими взглядами и убеждениями, и некоторые эпические сказания получили легендарную обстановку, хотя, впрочем, из-за этих подновлений до сих пор еще сквозит дохристианская старина. Сильномогучие богатыри, победители сказочных великанов и многоглавых змиев, в «былинах» уже сражаются против какого-то Идолища и неверных народов; на своих крепких плечах они выносят беспрепятственные и беспощадные битвы с погаными азиатскими кочевниками и отстаивают независимость и государственные основы родной земли, тогда как великаны и змии выступают защитниками басурманства. Еще позднее — и народная сказка, свидетельствуя нам о некоторых чертах древнего новгородского быта (см. «Русск. нар. сказки» Сахарова), вводит читателя в мир действительных событий и чрез то сближает его с чисто историческим эпосом Слова о полку, малороссийских дум и народных песен о Грозном, Петре Великом и других знаменитых деятелях.

Составляя вместе с «былинами» отрывки старинного эпоса, сказки уже по тому самому запечатлены прочным художественным достоинством. В доисторическую эпоху своего развития народ необходимо является поэтом. Обогащая природу, он видит в ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный в созерцание ее торжественных явлений и таинственных сил, народ все свои убеждения, верования и наблюдения воплощает в живые поэтические образы и высказывает в одной неумолкаемой поэме, отличающейся ровным и спокойным взглядом на весь мир.

Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон; то же неподражаемое искусство — живописать всякий предмет и всякое явление по впечатлению, ими производимому на душу человека; та же обрядность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов, выражений и целых описаний и сцен. Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно уже не переделывается, а как будто застывает в этой форме и постоянно повторяется там, где это признано будет необходимым по ходу сказочного действия. Оттого, несмотря на неподдельную красоту языка, народные сказки поражают однообразностью, тем более что и темы рассказов, и действующие лица, и чудесное — в большей части подобных произведений повторяются с небольшими отступлениями. Народ не выдумывал, он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном — с верным художественным тактом остановился на повторениях, а не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область странных, чудовищных представлений.

При всем однообразии, замечаемом в народных сказаниях, в них столько истинной поэзии и столько трогательных сцен! С какой поэтической простотой, например, передана в сказке встреча Федора Тугарина с Анастасией Прекрасною.

Поехал Федор странствовать. Едет, едет и на пути видит: лежат три рати-силы побитые. «Кто здесь живой, — окликает странствующий герой, — скажи: кто побил эти рати?» В ответ ему слышится голос: «Поддай воды напиться». Подает Тугарин воды раненому и узнает от него, что победила все три рати Анастасия Прекрасная, а сама отдыхает теперь в шатре. Приехал Тугарин к шатру Анастасии Прекрасной, привязал своего коня, вошел в палатку, лег сбоку девицы и заснул. Анастасия Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваного гостя и сказала: «А что — станем биться или мириться?» Отвечал ей Тугарин: «Коли наши кони станут биться, тогда и мы попробуем силы!» — и спустили они своих коней. Кони обнюхались, стали лизать друг друга и пошли дружно

пастись вместе. Тогда Анастасия Прекрасная сказала Федору Тугарину: «Будь ты мне мужем, я тебе — женою!»

Как ото всех народных произведений, от сказок веет поэтической чистотой и искренностью; с детской наивностью и простотой, подчас грубою, они соединяют честную откровенность и свои повествования передают без всякой затаенной иронии и ложной чувствительности. Мы говорим о сказках древнейшего образования. В позднейшем своем развитии и сказка подчиняется новым требованиям, какие бывают порождены ходом дальнейшей жизни, является послушным орудием народного юмора и сатиры и утрачивает первоначальное простодушие (см. сказки о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове, о Шемякинском суде и др.). Но всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою. Напечатанная нами сказка о правде и кривде задает практический вопрос: как лучше жить — правдою или кривою? Здесь выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения: правдивый и криводушный. Правдивый — терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастью, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды — и криводушный погибает жертвою собственных расчетов. На таком нравственном начале создалась большая часть сказочных интриг.

Несчастье, бедность, сиротство постоянно возбуждают народное участие. Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачехи к падчерицам и пасынкам и излишнюю, злоредную привязанность ее к своим собственным детям. Этот тип мачехи, обрисованный народными сказками, составляет одно из самых характерных указаний на особенности патриархального быта и вполне оправдывается и древним значением сиротства, и свадебными песнями о судьбе молодой среди чужой для нее семьи. Мачеха, по народным сказкам, завидует и красоте, и дарованиям, и успехам своих пасынков и падчериц, особенно если сравнение с этими последними ее собственных детей, безобразных и ленивых, заставляет ее внутренне сознаваться в том, чему так неохотно верит материнское сердце. Мачеха начинает преследовать бедных сирот, задает им трудные, невыполнимые работы, сердится, когда они удачно выполняют ее приказания, и всячески старается извести их, чтобы не иметь перед глазами постоянного и живого укора. Но несчастья только воспитывают в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, так возвышающее нравственную сторону человека, не ограничивается тесными пределами людского мира, а обнимает собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при виде раненой птицы, голодного зверя, выброшенной на берег морскою волною рыбы и большого дерева. Во всем этом много трогательного!.. Нравственная сила спасает сироту от всех козней; напротив, зависть и злоба мачехи подвергают ее наказанию, которое часто испытывает она на родных своих детях, испорченных ее слепою любовью и потому гордых, жестокосердных и мстительных.

С этой точки зрения особенно интересно представляется нам роль младшего из трех братьев, действующих в сказке. Большая часть народных сказок, следуя обычному эпическому приему, начинается тем, что у отца было три сына: два — умные, а третий — дурень. Старшие братья называются умными в том значении, какое придется этому слову на базаре житейской суеты, где всякий думает только о своих личных интересах, а младший — глупым в смысле

отсутствия в нем этой практической мудрости: он простодушен, незлобив, сострадателен к чужим бедствиям до забвения собственной безопасности и всяких выгод. Согласно с этим слова хитрый и злой в областных говорах значит: ловкий, искусный, умный, острый¹. Народная сказка, однако, всегда на стороне нравственной правды, и по ее твердому убеждению выигрыш постоянно должен оставаться за простодушием, незлобием и сострадательностию меньшего брата. Очевидно, что эпическая поэзия истинно разумным признает одно добро, а зло хотя и слывет таковым между людьми, но вводит своих поклонников в безвыходные ошибки и нередко подвергает их неизбежной гибели: следовательно, оно-то и есть истинно неразумное. В сказке «Норка-зверь» три брата отправляются искать этого чудного зверя; им предстоят многие опасности. Старшие братья обнаруживают при этом всю слабость духа и отстраняют от себя трудный подвиг, но когда третий брат смелостью преодолевает все опасности — они замышляют завладеть добытым им счастьем и посягают на самую жизнь этого добродушного дурня. На возвратном пути из стран подземного мира он готов был уже подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрезают канат и лишают его последней надежды возвратиться когда-нибудь в родную семью. В такой беде его спасает то высокое чувство любви, которое не допускает в сердце бедняка ни малейшего ожесточения даже после столь горестного обмана. Оставленный в подземном царстве, младший брат заплакал и пошел дальше. Поднялась буря, заблестала молния, загремел гром, и полился дождь. Он подошел к дереву с надеждою укрыться под его ветвями от непогоды; смотрит, а на том дереве сидят в гнезде маленькие пташки и совсем измокли от дождя. Сострадательный дурень снял с себя одежду и накрыл птичек. Вот прилетела на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свет, и как увидела своих детей накрытыми — спросила: «Кто покрыл моих пташек? Это ты! Спасибо тебе: проси от меня, чего хочешь!» — и по просьбе бедняка выносит его на своих могучих крыльях на Русь.

Таково в немногих словах значение народной сказки. Нет сомнения, что в ней найдется многое, что не может удовлетворить нашим образованным требованиям и взглядам на природу, жизнь и поэзию; но если в зрелых летах мы любим останавливать свой взор на детских играх и забавах и если при этом невольно пробуждаются в нас те чистейшие побуждения, какие давно были подавлены под бременем вседневных забот, то не с той ли теплою любовью и не с теми ль освежающими душу чувствами может образованный человек останавливать свое внимание на этой поэтической чистоте и детском простодушии народных произведений?

А. А.

¹ «Отеч. записки», 1852 г. Критика. Ноябрь, с. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

1—7. Лисичка-сестричка и волк	5
8. За лапоток — курочку, за курочку — гусочку	15
9—13. Лиса-повитуха	15
14. Лиса, заяц и петух	21
15—17. Лиса-исповедница	22
18. Лиса-лекарка	26
19. Старик лезет на небо	27
20. Старик на небе	27
21—22. Лиса-плачя	28
23—26. Мужик, медведь и лиса	29
27. Старая хлеб-соль забывается	34
28. Овца, лиса и волк	35
29—30. Звери в яме	36
31. Лиса и тетерев	38
32. Лиса и дятел	38
33. Лиса и журавль	39
34. Снегурушка и лиса	39
35. Лиса и рак	40
36. Колобок	41
37—39. Кот, петух и лиса	42
40—43. Кот и лиса	46
44—47. Напуганные медведь и волки	50
48. Медведь, лиса, слепень и мужик	56
49—50. Волк	57
51—52. Свинья и волк	58
53—54. Волк и коза	59
55—56. Волк-дурень	62
57—58. Медведь	65
59. Медведь, собака и кошка	66
60—61. Коза	68
62. Сказка о козе лупленной	70
63. Сказка про одного однобокого барана	71
64. Зимовье зверей	73
65. Медведь и петух	74
66—67. Собака и дятел	75
68. Кочет и курица	77
69. Смерть петушка	77
70—71. Курочка	79
72. Журавль и цапля	80
73. Ворона и рак	81
74. Орел и ворона	81
75. Золотая рыбка	82
76. Жадная старуха	84
77—80. Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове	86
81. Байка о шуке зубастой	97
82—84. Терем мухи	98
85—86. Мизгирь	101
87—88. Пузырь, соломинка и лапоть	102
89. Репка	103

90. Грибы	103
91. Мороз, Солнце и Ветер	104
92. Солнце, Месяц и Ворон Воронович	104
93. Ведьма и Солнцева сестра	106
94. Вазуза и Волга	108
95—96. Морозко	108
97. Старуха-говоруха	113
98. Дочь и падчерица	113
99. Кобиляча голова	116
100. Крошечка-Хаврошечка	116
101. Буренушка	118
102—103. Баба-яга	120
104. Василиса Прекрасная	123
105. Баба-яга и Заморышек	128
106—107. Баба-яга и жихарь	130
108—111. Ивашко и ведьма	133
112. Терешечка	141
113. Гуси-лебеди	143
114. Князь Данила-Говорила	144
115—122. Правда и Кривда	147
123—124. Королевич и его дядька	159
125. Иван-царевич и Марфа-царевна	166
126. Масенжны дзядок	170
127. Купеческая дочь и служанка	174
128—130. Три царства — медное, серебряное и золотое	177
131. Фролка-сидень	190
132. Норка-зверь	192
133—134. Покатигорошек	196
135. Иван Попялов	206
136. Буря-богатырь Иван коровий сын	208
137. Иван Быкович	217
138. Иван крестьянский сын и мужичок сам с пёрст, усы на семь верст	225
139. Иван Сученко и Белый Полянин	228
140. Зорька, Вечорка и Полуночка	234
141—142. Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри	237
143. Надзей, папов ўнук	244
144. Летучий корабль	247
145—147. Семь Семионов	250
148. Никита Кожемяка	257
149. Змей и цыган	258
150. Батрак	260
151. Шабарша	262
152. Иванко Медведко	264
153. Солдат избавляет царевну	266
154. Беглый солдат и черт	269
155. Два Ивана солдатских сына	272
156—158. Кошей Бессмертный	279
159. Марья Моревна	295
160. Федор Тугарин и Анастасия Прекрасная	300
161. Иван-царевич и Белый Полянин	304
162. Хрустальная гора	308
163. Бухтан Бухтанович	309

164. Козьма Скоробогатый	311
165—166. Емеля-дурак	314
167. По шучьему велению	324
168. Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке	325
169—170. Жар-птица и Василиса-царевна	333
171—178. Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	338
179—181. Сивко-бурко	364
182—184. Свинка золотая шетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь	369
185. Волшебный конь	382
186. Конь, скатерть и рожок	386
187. Двое из сумы	387
188. Петух и жерновки	389
189. Чудесный ящик	391
190—191. Волшебное кольцо	393
192—194. Рога	404
195—196. Сказка про утку с золотыми яйцами	411
197. Чудесная курица	415
198—200. Безногий и слепой богатыри	419
201. Царь-медведь	434
202—205. Звериное молоко	438
206—207. Притворная болезнь	450
208—209. Чудесная рубашка	456
210—211. Волшебное зеркальце	460
212—215. Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что	469
216. Мудрая жена	492
217—218. Три копейки	496
219—226. Морской царь и Василиса Премудрая	499
227—229. Неосторожное слово	533
230—231. Купленная жена	537
232—233. Царь-девица	546
234—235. Перышко Финиста ясна сокола	553
236—237. Елена Премудрая	562
238. Гусли-самогуды	569
239. Царевна, разрешающая загадки	571
240. Вещий сон	572
241. Вещий сон	577
242. Соль	579
243. Золотая гора	582
244—246. Чудесная дудка	584
247. Птичий язык	587
248. Охотник и его жена	588
249—253. Хитрая наука	589
254—255. Диво	601
256. Диво дивное, чудо чудное	605
257. Счастливое дитя	606
258. Клад	607
259. Скорый гонец	609
260—263. Сестрица Аленушка, братец Иванушка	613
264. Царевна — серая утица	619
265. Белая уточка	621
266. Арысь-поле	623
267—269. Царевна-лягушка	624

270. Царевна-змея	631
271—272. Заколдованная королева	633
273—274. Окаменелое царство	643
275. Береза и три сокола	646
276. Заклятый царевич	647
277. Сопливый козел	648
278. Неумойка	650
279—282. Косоручка	651
283—287. По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре	659
288—289. Поющее дерево и птица-говорунья	671
290—291. Свиной чехол	676
292. Золотой башмачок	680
293. Чернушка	681
294. Царевна в подземном царстве	682
295—296. Незнайко	684
297. Несмеяна-царевна	695
298—299. Ночные пляски	697
300. Мальчик с пальчик	699
301. Верлиока	701
302. Лихо одноглазое	704
303. Горе	705
304. Две доли	708
305—307. Марко Богатый и Василий Бессчастный	709
308—309. История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике	716
310. Илья Муромец и змей	721
311. Василий Буславич	725
312. Алеша Попович	726
313. Данило Бессчастный	728
314. Василий-царевич и Елена Прекрасная	732
315. Балдак Борисьевич	735
316. Василиса Поповна	739
317. Про Мамаю безбожного	742
318. Сказание об Александре Македонском	748
319—320. Шемякин суд	749
321—323. Загадки	751
324—325. Горшеня	754
326. Мудрые ответы	757
327—328. Мудрая дева	758
329. Попов работник	761
330. Царевич-найденныш	762
331. Сосватанные дети	763
332—334. Доброе слово	764
335. Дочь пастуха	769
336—337. Оклеветанная купеческая дочь	770
338. Царица-гуслиар	776
339. Отец и дочь	777
340. Солдат и царь в лесу	778
341. Солдат и разбойник	781
342—343. Разбойники	782
344. Королева и разбойники	786
345. Мудрая девица и семь разбойников	788
346. Счастье и несчастье	792

347. Убогий	793
348—350. Бесстрашный	795
351—362. Рассказы о мертвецах	801
363. Упырь	811
364. Иван купеческий сын отчитывает царевну	814
365—369. Рассказы о ведьмах	817
370. Смерть скупого	824
371. Скрипач в аду	824
372. Горшечник	826
373. Вдова и бес	827
374. Леший	827
375—377. Морока	828
378. Дока на доку	833
379—380. Ворожея	834
381. Знахарь	837
382. Слепцы	839
383—390. Вор.	840
391. Вороватый мужик	854
392—394. Солдатская загадка.	855
395—396. Мертвое тело.	857
397—399. Шут	859
400—401. Иванушка-дурачок.	867
402. Дурак и береза.	869
403—404. Набитый дурак.	871
405—406. Лутонюшка	872
407—409. Мена.	875
410—411. Сказка про братьев Фому и Ерему.	879
412—417. Хорошо, да худо	881
418—427. Не любо — не слушай	885
428. Байка про старину стародавнюю	897
429. Удалой батрак	898
430. Иван-дурак	899
431—432. Фома Беренников	901
433—437. Сказка о злой жене	906
438—440. Жена-спорщица	912
441—443. Жена-доказчица	914
444. Головиха	917
445. Муж да жена	918
446. Вещий дуб.	919
447. Дорогая кожа	920
448. Как муж отучил жену от сказок	922
449. Лубок	923
450. Крест — порука	923
451. Об отце Николае	925
452. Скряга.	925
453—527. Народные анекдоты	927
528—532. Докучные сказки.	956
533—553. Прибаутки	957

СКАЗКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АФАНАСЬЕВА

554. Казка про козла и барана	963
555. Казка про кравця і вовка	964
556. Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове	964

557. Девушка и медведь	966
558. Три сестры	966
559. Сказка о золотом, серебряном и медном царствах	967
560. Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе и об Иване-Горохе	970
561. Сказка о семи Семионах, родных братьях	975
562. Сказка о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной его супругнице Царь-девице	979
563. Сказка о трех королевичах	985
564. О Иванушке-дурачке	986
565. Смирный муж и драчливая жена	988
566. Сказка про перстень о двенадцати винтах	991
567. Сказка о Бессчастном стрелке	996
568. Неосторожное слово	998
569. Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке	998
570. Сказка о лягушке и богатыре	1001
571. Сказка об Иване-богатыре, крестьянском сыне	1005
572. Лихо	1010
573. Людська доля	1010
574. Нужда	1011
575. Сказка о Силе-царевиче и об Ивашке белой рубашке	1011
576. О Горе-горянине, Даниле-дворянине	1013
577. Рассказ о мертвце	1017
578. Сказка о богатыре Голе Воянском	1018
579. Хитрий чоловік	1020

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПРЕДИСЛОВИЕ А. Н. АФАНАСЬЕВА К ИЗДАНИЮ 1873 ГОДА	1022
---	------

II. СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ИЗ СБОРНИКА «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

1. О хитрости царя Соломона	1027
2. Христов крестник	1027
3. Риза на иконе	1029

III. СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»

Предисловие к «Русским заветным сказкам». Женева, 1872	1030
1. Сказка о том, как поп теленка родил	1033
2. Каков я!	1034
3. В-чем-я?	1035
4. Суд о коровах	1036
5. Жадный поп	1038
6. Духовный отец	1039
7. Архиерей отчитывает	1039
8. Добрый поп	1040
9. Пахом	1040
10. Похороны кобеля	1041
11. Похороны козла	1042
12. Поп-ворожейка	1043
13. Поп угодил в солдаты	1047
14—15. Поп, попададя, дьякон и работник	1047

16. Поп у бабы и батрак	1051
17. Поп ржет как жеребец.	1052
18. Муж да жена	1054
19. Хитрая баба	1054
20. Хитрая жена	1054
21—22. Никола Дуплянский	1057
23. Райская дудка	1059
24. Поп-толоконный лоб	1061
25. Чудесная дудочка	1064
26. Не любо, не слушай	1065
27. Солдат и часы	1065
28. Беглый солдат	1067
29. Солдат, мужик и баба	1067
30. Солдат и барин	1068
31. Вор	1068
32. Чудесная дудка	1070
33. Генеральская жена и купеческий сын	1071
34. Сны	1073
35. Купеческая жена и приказчик.	1075
36. «Нет!»	1076
37. Жена слепого	1077
38. Две жены	1077
39. Жена Химка	1078
40. Фомка-дурак и его жена.	1079
41. Догадливая хозяйка	1080